

АЛЕКСЕЙ МАКАРУШИН

**ШИББОЛЕТ, или
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПЯТАЧКА
В СТРАНЕ КАШРУТА**

Алексей Макарушин

**Шибболет, или Приключения
Пятачка в стране Кашрута**

«Издательские решения»

Макарушин А.

Шибболет, или Приключения Пятачка в стране Кашрута /
А. Макарушин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966582-9

Осенью 1998 года молодой преподаватель анатомии из российской провинциальной медакадемии случайно оказывается в Государстве Израиль. Там, следуя извиту руслу обстоятельств, он меняет сферы деятельности и места жительства, участвует в интернет-буме и финансовых аферах, причащается юбилейному Рождеству и, в конце концов, попадает под каток интифады Аль-Акса. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-966582-9

© Макарушин А.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
СОБСТВЕННО ИСТОРИЯ	7
АКТУАЛЬНЫЕ ЧАСТУШКИ	12
МАРШ ЛЮБВИ	17
ЖИВАЯ КОЛЛЕКЦИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ХАЙКУ	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Шибболет, или Приключения Пятачка в стране Кашрута

Алексей Макарушин

© Алексей Макарушин, 2019

ISBN 978-5-4496-6582-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ясный воздух летних сумерек, приглушив цвета, вычертил четкие контуры палестинского пейзажа от предгорий Аялона до гор Заиорданья. Глядя из иерусалимского квартала Абу-Тор можно было если не рассмотреть, то хотя бы различить зажигающиеся на западе огни нефтеперегонного завода в Рамле, ещё дальше за которым начинался уже невидимый отсюда Большой Тель-Авив, и, переведя взгляд на восток, увидеть редкие огни бедуинских стойбищ в Иордании. Как корабельные склянки, ударили колокола немецкого собора Успения Пресвятой Богородицы на горе Сион, тонким перебором отозвались им колокола православной Марии Магдалены с Масличной горы, и далее, перебивая друг друга, зазвенели колокольни многочисленных церквей Святого города. Колокольный звук уходил кругами, растворяясь в эхо, и невозможно уже было отличить истинный звук Троицкого собора с площади Москвы от эха Аугусты-Виктории на горе Скопус. Принципиально перебивая колокольный диалог, перекрывая его затухающие гармонии своим усиленным мегафоном голосом и, тем самым как бы завершая чуждый пересуд, вступил муэдзин с минарета мечети Аль-Акса. Через восемь тактов его подхватили муэдзины мечетей в Вефезде, в нижней части Старого города, большей частью записанные на магнитофон. Эта ежедневная музыкальная дуэль ничуть не трогала оказавшихся на её перекрестье евреев, поглощенных чтением и молитвами. У своей Стены они слышали другую музыку, другие голоса, уходящие не вверх и вниз, вправо и влево, а из прошлого в настоящее и будущее.

Если этот вечер в синагогах, церквях и мечетях Иерусалима был похож на все другие, сотни тысяч раз повторявшиеся в течение сотен лет, то посетителям старинной синагоги Женевы в этот вечер показалось, что мир перевернулся, рассыпался прямо у них на глазах. Только что, прямо у входа в синагогу, выехавший из соседнего переулочка мотоциклист застрелил рабби Шимшона. Уважаемый и любимый всеми семидесятидвухлетний раввин приехал неделю назад из Бней-Брака по приглашению женевской еврейской общины. Первые дни пребывания были до отказа заполнены встречами с «влиятельными» людьми, лидерами женевской и швейцарской общин, руководителями города и политиками. Два человека специально приехали для встречи с ним из Италии. Это были Джабраил Аль-Хумайи, суннитский теолог, профессор Миланского университета, и Симон Лански, итальянский предприниматель, проживший много лет в Израиле, но разочаровавшийся в сионизме, и делающий теперь деньги на недвижимости.

Спешу уверить беспокойного читателя, что больше ничего подобного в этой книге не будет. Ни лирических описаний, ни глубокого психологизма, ни лихо закрученного детективного сюжета про жизнь международной мафии.

Для удобства чтения и избежания лишних примечаний с переводом все диалоги на иврите напечатаны ПРОПИСНЫМИ БУКВАМИ, а диалоги на английском – *красивым курсивом*.

СОБСТВЕННО ИСТОРИЯ

По большому счёту, это были всё-таки весёлые и забавные дни. Теперь, спустя всего несколько лет, многие с удовольствием вспоминают, как они пережили те недели, в какую неприятную ситуацию влипли и как из неё потом выпутывались. В этом есть что-то общее между августами 91-го и 98-го.

Сергею Макаркину тогда, в конце августа 98-го, было совсем не до смеха. Вернувшись из отпуска, он обнаружил, что «отпускные», которые он намеревался постфактум получить в кассе института, покрывают лишь недельную «алиментарную» потребность. Но более неприятный сюрприз ждал его в кассе «Центра акупунктуры», где он подрабатывал «врачом-организатором». В кассе Центра его ждал классический коротко стриженный субъект, который на пальцах объяснил, сколько и кому Макаркин должен. Отдельно было объяснено, почему: «мы в вас бабок ввалили немеряно. Директор ваш Дорошенко к себе в Хохляндию свалил. Чо-как – никто не в курсах. Народ сказал – ты после него главный. Короче, мы не звери: вот тебе два месяца сроку, ищи или Дорошенко, или пять штук баксов, или то и другое вместе».

«Не, они теперь с тебя не слезут. Дикая дивизия. Янычары», – резюмировал слезливое изложение истории Макаркина его институтский однокашник, Семён Шестопап. «И денег не дам. Нету», – Семён был удачливым бизнесменом. «Валить тебе надо», – Семён и сам перманентно собирался валить в Израиль. «Слушай. Есть тебе предложение. У нас из Еврейского центра преподаватель иврита опять уехал. В Германию» – а ещё Семён был молодым активистом местной еврейской общины. «Попреподавай здесь иврит месяц-другой группе начинающих, а потом тебя отправят в Израиль на повышение квалификации. Может, даже на год. За это время здесь всё рассосется». «Так я ж ни слова на иврите. Немецкий под видом идиш – ещё куда ни шло: „Гитен Морген, либэн таламиден; зай гизунт, мейне мэйделе“. Да и вообще я не еврей». «Так и я ж тебе не обрезание им делать предлагаю. Хотя, я думаю, большинству бы и надо. А тебе не все ль равно, что преподавать – что анатомию твою, что латынь, что дойч, что инглиш, что иврит? Вот, смотри, книжку тебе дам, считаешь сам для начала, ну, и для общего развития. Начни с алфавита. 23 буквы. Сколько времени думаешь алфавиту можно учить?» «Ну, неделю» «Неделю? Да на месяц растянуть – раз плюнуть: сначала в одну сторону, потом в другую, книжки ж ивритские тоже наоборот не зря написаны, да ещё если учить со стишками, с песенками, с подтанцовками – месяца мало будет. Скоро, в октябре, Рош Ха-шана, еврейский новый год, потом Йом Киппур, судный день – тоже целый месяц не до чего будет – праздники, посиделки всякие, то да сё, ещё месяц. А там из Москвы обещали натурального специалиста прислать. А ты – в Израиль, квалификацию повышать. Как раз два месяца, янычарами тебе завещанные. Да, не забывай, тебе ж ещё денежку положат за преподавание». «Хорошо положат?» «Ну, на хлебушек с маслишком хватит. А уж как нас выручишь – слов нет. Первое занятие, кстати, послезавтра».

Для первого урока Шестопап посоветовал Макаркину выучить какой-нибудь вводный монолог на иврите, чтоб ученики сразу прочувствовали всю глубину премудрости, которую им предстоит преодолеть. К сожалению, в Еврейском городском центре не нашлось ни одной фонографической записи на иврите, а обращаться в Москву или частным владельцам записей Шестопап тоже не хотел, чтоб не излишне не афишировать нового учителя. В конце концов решили записать наугад какую-нибудь радиопередачу «Коль Исраэль – Голос Израиля». Макаркин переписал на слух трехминутный текст на бумагу и вызубрил наизусть, старательно имитируя прочувственные интонации и шелестящее произношение. Шестопап снабдил также многократно ксерокопированными дидактическими материалами, «чтобы хоть что-то на столах лежало».

Через день Сергей Макаркин, взбодренный 200 граммами «Реми Мартэн», любезно предложенными Шестопалом, решительно, как в кабинет зубного, распахнул дверь учебной комнаты городского Еврейского центра. В комнате собралась крайне разношерстная публика, подвигнувшаяся постигать тайны древнееврейского языка – тут были хасиды-неофиты брата Горобченко, переквалифицировавшиеся в иудеи из кришнаитов, монашествующий отшельник Афанасий, которому было видение пророка Исаяи, и ему не терпелось узнать, что тот конкретно сказал Афанасию, проворовавшийся начальник Водоканала Шилов, заранее лихорадочно искавший пути отхода, религиозный сионист Резников – специалист многоуровневого маркетинга, перевербованный в свое время одесским «Бейтаром» из «Гербалайфа». Подавляющее большинство присутствующих твердо решило в ближайшее время разделить судьбу еврейского народа, чудесным образом обретя чувство единения с ним через вновь открытых предков «мещанского звания, моисеева вероисповедания». Макаркин вдохнул побольше воздуха и бодро начал: «Здравствуйте, друзья! Шалом, хаверим!». Далее, без паузы, перешёл к воспроизведению заученного текста, изредка заглядывая в шпаргалку. «Блин, надо было дома на магнитофон записать, а здесь только рот открывать, как под фонограмму», – осенила Сергея запоздалая, как всегда, хорошая мысль. Несколько лет спустя он обнаружил в своих бумагах черновик той речи, и, уже немного понимая иврит, узнал, что он выучил тогда часть комментария какого-то раввина к правилам кашрута.

«ЧЕМ ЖЕ ЯВЛЯЮТСЯ РОГА НА ГОЛОВЕ ЖИВОТНОГО? ОНИ СЛУЖАТ ЕМУ ОРУЖИЕМ. НО ЧЕМ ВЫДЕЛЯЮТСЯ ИМЕННО ОНИ СРЕДИ ПРОЧИХ ВИДОВ ОРУЖИЯ, КОТОРЫМИ ЭКИПИРОВАНЫ ЖИВОТНЫЕ В НАШЕМ МИРЕ (НАПРИМЕР, КЛЫКОВ, КОГТЕЙ И Т.П.)? РОГА ЯВЛЯЮТСЯ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ОРУДИЕМ ОБОРОНЫ, А НЕ НАПАДЕНИЯ, ОНИ ПРИДАЮТ ЖИВОТНОМУ ДОСТОИНСТВО ВНЕШНЕГО ВИДА И ПОЗВОЛЯЮТ ОТСТОЯТЬ СЕБЯ В СРАЖЕНИИ. НЕ СЛУЧАЙНО ЗВЕРИ, НАДЕЛЕННЫЕ ИМИ, ОТЛИЧАЮТСЯ, КАК ПРАВИЛО, МИРНЫМ НРАВОМ И ОБЫЧНО НЕ АГРЕССИВНЫ. ЕСЛИ ВЫ ПОМНИТЕ, МЫ ГОВОРИЛИ, ЧТО ЛИШЬ КАШЕРНЫЕ ЖИВОТНЫЕ ДОСТОЙНЫ ТОГО, ЧТОБЫ ИХ ПЛОТЬ СТАЛА ПИЩЕЙ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА. ДЛЯ ЗВЕРЕЙ ВНЕШНИМ ПРИЗНАКОМ ТАКОГО ДОСТОИНСТВА СЛУЖАТ РОГА.

ПОЛУЧИВ ЭТУ ИНФОРМАЦИЮ, МОЖНО ЛЕГКО ПОНЯТЬ, ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЖИВОТНОЕ КАШЕРНЫМ. НАПРИМЕР, ОСЁЛ. ЖВАЧНОЕ ЖИВОТНОЕ С НЕРАЗДВОЕННЫМИ КОПЫТАМИ В ПИЩУ ЕВРЕЯМИ НЕ УПОТРЕБЛЯЕТСЯ. ЯВНЫЙ ВНЕШНИЙ ПРИЗНАК – ОТСУТСТВИЕ РОГОВ. АНАЛОГИЧНО – ЛОШАДЬ.

ПОДУМАЙТЕ, МОЖНО ЛИ ПО ФОТОГРАФИИ АНТИЛОПЫ-ГНУ «ВЫЧИСЛИТЬ» ЕЁ КАШЕРНОСТЬ? МОЖНО – НАЛИЧИЕ РОГОВ ПОДСКАЖЕТ О ПРИГОДНОСТИ ЖИВОТНОГО В ПИЩУ. ТО ЖЕ САМОЕ ВЕРНО В ОТНОШЕНИИ ОЛЕНЯ, ЛОСЯ, БИЗОНА, БУЙВОЛА, БАРАНА, КОЗЛА.

НЕОБХОДИМО ОТМЕТИТЬ, ЧТО КОСТНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ У НОСОРОГА НЕ ЯВЛЯЕТСЯ «НОРМАЛЬНЫМИ РОГАМИ».

ТАКИЕ МЛЕКОПИТАЮЩИЕ, КАК КРОЛИКИ, ЗАЙЦЫ, НУТРИИ, ДИКООБРАЗЫ, СОБАКИ, ОБЕЗЬЯНЫ, СЛОНЫ, МЕДВЕДИ, ЛЬВЫ, ЛИСИЦЫ, ВОЛКИ, НЕ ЯВЛЯЮТСЯ КАШЕРНЫМИ ПО ВНЕШНЕМУ ПРИЗНАКУ – ОТСУТСТВИЮ КОПЫТ И РОГОВ.

НЕМНОГО СЛОЖНЕЕ ОБСТОИТ ДЕЛО С ЖИРАФОМ – ПАРНОКОПЫТНЫМ ЖУЮЩИМ ЖВАЧКУ, ИМЕЮЩИМ МАЛЕНЬКИЕ РОЖКИ, ПОКРЫТЫЕ КОЖЕЙ. ПО ВСЕМ ВЫШЕИЗЛОЖЕННЫМ ПРИЗНАКАМ, ЖИРАФ МОЖЕТ УПОТРЕБЛЯТЬСЯ В ПИЩУ. НО, ПО УСТОЯВШЕЙСЯ ТРАДИЦИИ, МЯСО ЭТОГО ЖИВОТНОГО В РАЦИОН ЕВРЕЯ НЕ ВХОДИТ.

У ОБИТАТЕЛЕЙ МОРЯ – РЫБ – ПРИЗНАКОМ КАШЕРНОСТИ ЯВЛЯЕТСЯ НАЛИЧИЕ ЧЕШУИ И ПЛАВНИКОВ. В СООТВЕТСТВИИ С ЭТИМ, ИЗ-ЗА ОТСУТСТВИЯ ЧЕШУИ, НЕКАШЕРНЫМИ СЧИТАЮТСЯ ВСЕ ВИДЫ БЕЛОЙ РЫБЫ (ОСЕТРОВЫЕ)

И ИХ ИКРА (ЧЁРНАЯ). ТОЧНО ТАК ЖЕ НЕКАШЕРНЫМИ ЯВЛЯЮТСЯ И АКУЛЫ. В ОТЛИЧИЕ ОТ НИХ, КРАСНАЯ РЫБА И КРАСНАЯ ИКРА НИКАКИХ ВОЗРАЖЕНИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КАШРУТА НЕ ВЫЗЫВАЮТ. ЕСЛИ У РЫБЫ ИМЕЮТСЯ ЛИШЬ ПЛАВНИКИ (КАК, НАПРМЕР, У УГРЯ, ОСЕТРА ИЛИ СОМА), ТАКАЯ РЫБА В ПИЩУ НЕ ГОДИТСЯ. ЭТО ЖЕ ОТНОСИТСЯ И К ПРОЧЕЙ МОРСКОЙ И РЕЧНОЙ ЖИВНОСТИ – МОЛЛЮСКАМ, КРЕВЕТКАМ, КРАБАМ, ОСЬМИНОГАМ, ТРЕПАНГАМ, ОМАРАМ, КАЛЬМАРАМ, КАРАКАТИЦАМ, МЕДУЗАМ, КОТОРЫМ НЕЧЕГО ДЕЛАТЬ НА ЕВРЕЙСКОМ СТОЛЕ.

КАШЕРНЫМИ ВИДАМИ СРЕДИ ПТИЦ ЯВЛЯЮТСЯ ВСЕ, КРОМЕ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ В РАЗДЕЛЕ ТОРЫ, ПОСВЯЩЕННОМ ЗАКОНАМ КАШРУТА. ОДНАКО БОЛЬШИНСТВО ПЕРНАТЫХ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДВА ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ СМЕНИЛИ СВОЕ НАЗВАНИЕ. ЕВРЕИ ЕДЯТ МЯСО ИЗВЕСТНЫХ ВИДОВ, ТАКИХ, КАК КУРИЦА, УТКА, ГУСЬ, ИНДЮК, ПЕРЕПЕЛКА, ГОЛУБЬ И РЯД ДРУГИХ. В ИХ ЧИСЛЕ НЕТ ХИЩНЫХ ПТИЦ, А ТАКЖЕ ПИТАЮЩИХСЯ ПАДАЛЬЮ. ТАКИЕ ВИДЫ, КАК СТРАУС, ВОРОБЕЙ, ВОРОНА, ЧАЙКА – НЕКАШЕРНЫ. ЯЙЦА КАШЕРНЫХ ПТИЦ МОЖНО ЕСТЬ.

ЕВРЕИ НЕ УПОТРЕБЛЯЮТ В ПИЩУ ВСЕ ВИДЫ ПРЕСМЫКАЮЩИХСЯ И ЗЕМНОВОДНЫХ – ЯЩЕРИЦ, ЗМЕЙ, ЧЕРВЕЙ, ЧЕРЕПАХ, ЛЯГУШЕК И Т. Д. СООТВЕТСТВЕННО, ЗАПРЕЩЕНЫ И ЯЙЦА ЭТИХ ЖИВОТНЫХ – НАПРИМЕР, ЧЕРЕПАШЬИ.

В ОБШИРНЕЙШЕМ МИРЕ НАСЕКОМЫХ ЗАПРЕТ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ НА ВСЕ ВИДЫ, КРОМЕ ОДНОГО ВИДА САРАНЧИ, КОТОРЫЙ ИЗРЕДКА УПОТРЕБЛЯЕТСЯ В ПИЩУ ЕВРЕЯМИ ЙЕМЕНА, СОХРАНИВШИМИ УМЕНИЕ ОТЛИЧАТЬ ЭТОТ ВИД ОТ ДРУГИХ И УМЕЮЩИЕ ЕГО ПРИГОТОВИТЬ».

(с) Йорам Лемельман

Слушали Макаркина, открыв рты. В медицинском институте, где Сергей преподавал анатомию, ему никогда не удавалось добиться такого внимания аудитории без запугивания немедленным проведением письменного тестирования. В момент перечисления, как потом оказалось, кашерных млекопитающих, в комнату вошла смуглая женщина в сопровождении руководства Еврейского центра. Через минуту лицо её вытянулось, и оставалось таким до конца зоологического введения в гастрономию. Но на Сергея снизошёл момент беззаботной наглости, испытанный им в последний раз на экзамене по нервным болезням, когда свой неправильный диагноз, поставленный «учебному» больному, он убедительно доказал демонстрацией патологических рефлексов, вдруг явно проявившихся у пациента, и таким же внезапным исчезновением нормальных. Без запинки он довёл свое повествование до относительно логичного окончания, резюмировав весьма самоуверенным заявлением, что «не пройдет и полгода, как вы научитесь понимать язык Моисея и Соломона, говорить и чувствовать на нем». Чуть размыслив, резонно добавил: «возможно, даже лучше меня». К этому моменту лицо смуглой опоздавшей вернулось в более-менее нормальное положение, и она, подняв пальчик, что-то спросила Макаркина на иврите. «Йа, натюрлих; варум нихът?», – ответил он по-немецки, как бы пропустив вопрос мимо ушей, и немедленно перешёл к знакомству с группой. Большинству будущих познавателей иврита было за 40, многие носили украинские фамилии, что явилось Макаркину неприятным напоминанием о его исчезнувшем на просторах Украины шефе, благодаря которому он оказался в столь двусмысленной ситуации. К его удивлению и, на всякий случай, радости, в группе не было ни одного Рабиновича или Зильбершухера. Смутила лишь настырная брюнетка, которая так и не представилась (а сам Макаркин, конечно, не проявлял инициативы – «не хочет, ну и не надо»), сидела возле руководства и всё время явно пыталась что-то спросить. Макаркин старался не обращать на неё никакого внимания («тьфу на тебя»). Он уверенно продолжал урок. Указав на Семёна Шестопала, он объяснил, где можно купить учебные пособия. По его плану, 45 минут первого занятия должны были как раз на этом закончиться, но он, к своему сугубому разочарованию, выполнил план досрочно. Оставалось

ещё минут 15. Задав риторический вопрос «откуда произошёл иврит?», Макаркин приступил к краткому изложению недавно прочитанной научно-популярной брошюры «Библия как история», в основном следующей событийной канве Ветхого завета. К сожалению, книгу он дочитал лишь до Исхода, и поэтому, оставив Моисея с сопровождающими его лицами на Синае, где они, несомненно, говорили друг с другом и Богом на иврите, он сразу и непосредственно перешёл к нынешней напряженной политической обстановке на Ближнем Востоке. «Всё вышесказанное лишний раз подчеркивает настоящую необходимость изучения иврита – языка великих пророков древности и наших великих современников – Бен-Гуриона, Эйнштейна и Натана Щаранского. До следующей встречи!», – на такой пафосной ноте Макаркин закончил и попытался бежать через дверь. Но общинное руководство уже перегородило дорогу, пожало руку и подвело к широко улыбающейся брюнетке. Их представили: «Сергей Макаркин. Наш новый учитель иврита. Захава Ган. Координатор Сохнута». «У тебя очень необычное произношение, – протянула руку Захава, – даже я не всё поняла. Ты, конечно, не был в Израиле? Надо побывать обязательно. Тебе его там исправят». «Не сомневаюсь». Захава Ган уже 4 года была координатором Сохнута по Центральной России, но продолжала говорить с израильским распевным растягиванием окончаний и называть всех на «ты». «Но главное, главное – очень актуальная тема. Многие приезжают, и не знают, что такое кашрут. Очень хорошо, что ты с этого начал. Где взял такой хороший материал?». Макаркин общим жестом показал в сторону общинного руководства. Руководство заулыбалось, и в свою очередь, показало в сторону хорошо накрытого стола. На столе дымились тушеное мясо, раки, шашлык из осетрины и прочие радости необрезанного желудка. Запотевшие бутылки водки, окаймленные чёрной и красной икрой, чередовались с грузинскими красными и белыми винами. Первый урок, несомненно, удался.

Дальнейшие учебные будни проходили большей частью в соответствии с основным планом, обрисованным Семёном Шаповалом: утром на свежую голову Макаркин знакомился с новой главой учебника иврита, вечером излагал прочитанное слушателям. Вскоре у слушателей наметилось отставание от опытного в языках преподавателя, и Макаркин мог с некоторой вальяжностью повторно объяснять «трудные» места. Иногда для заполнения времени в конце занятия он рассказывал еврейские анекдоты. На дом он не задавал, строго не спрашивал и ученики его, похоже, даже любили. В преддверии праздника Рош Ха-Шана пошли разговоры и косвенные предложения об участии Сергея Аркадьевича в праздничном собрании с его выходом к свитку и чтении Торы. Сергей вежливо отказался, сославшись на приверженность совсем уж консервативному течению иудаизма. Удивившись, его спросили, где он такое здесь нашёл, ибо «консерваторов и реформистов тут отродясь не было». «В Берлине, – нашёлся Сергей, – в Шёнефельде». Название берлинского аэропорта показалось любопытствующим вполне еврейским, хотя в свое время Сергей там не нашёл, а потерял, и не религиозную доктрину, а чемодан.

Сразу после осенних праздников Сергею пришло на дом два сюрприза – приглашение на годовичные языковые курсы в Израиль и тот же небритый коротко стриженный субъект. Второе автоматически сняло все возражения, чтобы отказываться от первого. В пивном, но романтическом ресторане он устроил прощание с немногочисленными подругами. Подруги в отличие от друзей, считал Макаркин, вряд ли смогут быстро сопоставить некоторые очевидные факты и сделать вывод, что он уезжает в Израиль, а не в заявленную Кострому. И, даже сделав вывод, они вряд ли успеют довести его до известных доброжелателей в течение 24 часов, на что, несомненно, способны некоторые из друзей-мужчин. Особенно те, у кого он занял немного денег.

«Серёжа, а что ты в той Костроме потерял?» – спрашивали подруги. «Я еду на двухнедельный симпозиум по русской народной частушке» – врал им напропалую Макаркин. «Постой, но ты вроде у нас медик, а не филолог? Ты же говорил, анатомию преподаешь, или опять обманывал?» – никак не верили подруги. «Анатомия, любимые мои, вещь относительная. Относительная к любому твердому телу. А к жидкому, наоборот, не относительная» –

Макаркин разлил девушкам пиво по фужерам. «Можно сказать: анатомия кошки. Или стола. Или стула. Но никак не анатомия пива или той же водки. А вот анатомия частушки – тоже можно сказать. Семантический и частотный анализ, скажем. Вот послушайте, обожаемые, вологодские частушки, которые сообщил мне наведни один клиент. Я их прочитаю, а вы тихо вникните». Макаркин вынул из заднего кармана пожелтевший буклет.

АКТУАЛЬНЫЕ ЧАСТУШКИ

(собраны в колхозах и совхозах Сямженского района Вологодской области в 1950—52 гг.)

Не грози народам, Трумэн,
Не запугивай войной.
Всё равно тебе придётся
лезти в петлю головой.
Крыши мирного Парижа
Самолёт крылом задел.
Ты зачем же, Эйзенхауер,
В Европу прилетел?
Эйзенхауер в Европу
Прилетел исследовать:
Кто б предательству Броз Тито
Мог ещё последовать.
Скоро Трумэну придётся
Пред судом народов стать.
За агрессию в Корее
Должен кто-то отвечать.
Мы стоим на вахте мира,
Не дадим войну разжечь.
Наша воля тверже стали,
Твёрдо будем мир беречь.
Поджигатели стараются
Опять разжечь войну,
Но народы доброй воли
Защитят свою страну.
Задумевшая, напишем
Дорогому Сталину:
Наш колхоз богат и крепок,
Не допустим мы войну.
Не боимся мы, подруга,
Поджигателей войны:
Ухажеры наши в Армии —
Защитники страны.
У Советского Союза
Путь-дороженька одна:
Знамя мира и свободы —
Наша мощная страна.

(с) Изд-во «Красный Север», Вологда, 1952 г.

Из золотой, но грязной и дождливой среднерусской осени Макаркин попал в лазурный излёт средиземноморского лета. Уже в Бен-Гурионе группа российских преподавателей иврита, преимущественно женская по составу, оказалась в цепких руках сохнутовских кураторов их программы: энергичных Софочки Кантор и Ильи Разумовского. Заяц «Энергайзер» сдох бы, соревнуясь с ними. За 40 минут езды из аэропорта в тель-авивскую гостиницу «Таль» они успели познакомиться и отдельно поговорить с каждым из 20-и участников, подробно

расписать программу (вкратце сводившуюся к следующему: первые полгода – занятия и экскурсии, вторые полгода – работа в удовольствие волонтерами в сельскохозяйственном kibbutz; программа предполагает ежемесячную стипендию в семьсот шекелей (около 200 долларов)), а также показать немногочисленные достопримечательности, встречавшиеся по пути: «Посмотрите налево: дом Любавического ребе. Посмотрите направо: мусорная гора Большого Тель-Авива». Куча наглядно свидетельствовала, что Тель-Авив в самом деле уже немаленький.

С началом занятий Макаркину начали сниться школьные кошмары: его полужабытая классная Людмила Степановна на иврите вызывала его к доске и спрашивала матанализ, которого не было в школьном учебнике алгебры. Неудовлетворительный ответ грозил немедленным призывом в армию и участием в киносъемках эпопеи «Освобождение» с боевыми стрельбами. Кошмары имели и дневное воплощение: все лекции велись на «высоком иврите». Макаркин, как ни пытался, не понимал ни слова. Голова его пухла, веки дергались. Мимика лица не выдерживала постоянного напряжения, которое требовалось для поддержания жизнерадостного изображения «глубокого понимания и живого участия в происходящем». Прочие участники курсов и вне занятий усердно пытались общаться друг с другом на «древнем и божественном», старательно избегая «великого и могучего». Редкими просветами для Сергея были лекции и экскурсии Сионистского Форума, посвященные ТАНАХу и истории государства Израиль, проводимые на русском языке. Но уже после первых лекций Форума их слушатели и лекторы стали посматривать на Макаркина косо. На лекции по Книге Судей он не удержался от вопроса: «Так что, получается, Самсон был первым в истории самоубийцей-террористом, раз обвалил филистимлянский храм, погубив себя и несколько тысяч филистимлян?» «Нет, конечно, ведь они сковали и ослепили его» «Но он же хулиганил и бузил. Что же им оставалось?» «Он не хулиганил, а боролся за свой народ». «ОК, конечно боролся». Как же сразу не догадался?

На экскурсии в kibbutz Дегания гид живо рассказывала о Войне за Независимость, об атаке трех арабских армий, «вооруженных до зубов танками, самолетами, вертолетами». Макаркина, однако, удивило описание переломного момента в великой битве за kibbutz: «когда из Тель-Авива прислали 3 пулемета и миномет, чаша весов склонилась в нашу пользу и арабские армии отступили». «Что, все три армии, вместе с танками и самолетами?» «Да!» «Так что же это было, армии или хулиганы на джипах?» «Макаркин – что Вам везде хулиганы мерещатся? Здесь Вам не Россия!»

Макаркин жалел, что обратил на себя внимание. Стало ясно, что обнаружение его полной некомпетентности в иврите – дело нескольких дней. С курсами надо было прощаться. Но беспокоила судьба своих законных «карманных денег», положенных ему Сохнутом – 2200 долларов – по 200 за 11 оставшихся месяцев. Внимательно присмотревшись к Илюше Разумовскому, Сергей решил, что с ним можно договориться. Илюша сразу вошел в курс дела, и предложил дисконт 60%. Сергей считал это вполне разумным и согласился. Через день он получил на руки 800 долларов. «А где еще 80?» «За эти 80 я предлагаю тебе роскошный вариант: работа по охране пустой виллы в Герцлии с проживанием. Хозяева в Европе. Тебе нужно лишь стричь газон да пыль протирать. Воров не пускать, разумеется. Ну, иногда на их контрольные звонки отвечать. А ты переведешь телефон на свой сотовый – и все дела. 20 баксов в сутки, но жилье бесплатное. Ну да и подработать где-нибудь еще сможешь»

Вилла была относительно небольшой, но с бассейном. Жить Сергею предстояло в маленьком флигеле, совмещенном с гаражом. При входе в хозяйские покои для проведения санитарно-гигиенических мероприятий и просмотра ТВ программ требовалось ответить на контрольный звонок службы охраны и назвать пароль.

В качестве «второй работы» почти сразу подвернулась вакансия помощника повара в приморском ресторане. Ресторан был как бы «фильдеперсовый», находился в престижной консульско-посольской Герцлии-Питуах прямо на берегу моря, и назывался просто

«На воде» (Аль Ха-маим). Зарплату давали сравнительно неплохую – 5 долларов в час, с возможностью переработки, плюс ресторанное питание. В минус Макаркин записал наличие стойких, плохо переносимых им кухонных запахов. Его нос замирился с мертвым формалиновым запахом анатомички, но категорически отвергал живые ароматы кулинарии. С надеждой, что запах моря забьет к чёрту всю кухонную душность, и вспоминая гольдониевского «Слугу двух господ», Макаркин вышел на трудовую вахту израильского общепита.

На кухне царствовали двое – филиппинец Билли, мясо и морские гады, и наркоман Моти, закуски и птица. Задачей Сергея было вынимать и расставлять по местам посуду из посудомоечной машины, первичная разделка рыбы и гадов, а также поднести-унести-вынести. В свободное от основных обязанностей время – рубка дров для камина, установленного в большом зале ресторана. Была зяблая средиземноморская зима, и натопленный камин создавал впечатление совсем неместного уюта. Дрова для него раз в месяц привозили немногословные палестинцы с территорий. У Макаркина создавалось впечатление, что одновременно они привозили и «траву» для Моти, который в эти дни был особенно возбужден, разговорчив, общителен, и к нему валом валили такие же веселые и общительные друзья. Потом отдельно приходили двое-трое, неразговорчивых и необщительных, после чего дурная весёлость Моти сменялась суетливой деловитостью.

Послы и консулы, не говоря про дипсостав рангом ниже, довольно часто посещали «Аль А-маим». В последний февральский вечер, когда Макаркин ломал наружные хребты уже третьей на тот день сотне креветок, в подсобке ресторана возникли два азиата в черных костюмах и черных очках. Оглядев Макаркина, они поздоровались по-испански с Билли и другими филиппинцами и проскользнули в подсобку бармена и далее в зал. *«Сегодня будет министр иностранных дел Филиппин – сообщил Билли, – надо сказать об этом Гарсиа».* Менеджер-метранпаж Шломо не дал по поводу визита министра никаких специальных указаний, лишь попросил Макаркина нарубить дров, выбрав из привезенных сегодня те, что посуше, а филиппинца Марти – получше почистить камин. Но перед самым приходом высокопоставленных гостей Шломо вдруг засуетился. Тому же Марти было дано распоряжение снять решетку, лежащую перед входом в ресторан, и вычерпать из неглубокой ямы воду, обогащенную разнообразными изделиями из пластика, и, почему-то, золой. Из экологических соображений было также строго указано вычерпывать не в плещущее рядом Средиземное море, а в дождевую канализацию (канализация, впрочем, делала 50-метровый крюк по берегу и выливалась в то же Средиземное море). Не успел Марти вынуть решетку и прислонить её к стене ресторана, как из ресторана прямо в открывшееся зияние ямы («Кусс-эмма!!!») вышел менеджер Шломо.

Когда группа дипломатов пришла в ресторан, у входа их встречал, не по протоколу, самый старший по возрасту официант.

В паузу после первой смены блюд Моти вышел покурить. Моти привычно быстро скрутил самокрутку и затянулся сизым сладковатым дымом. Его несколько тревожила сегодняшняя беседа с палестинцами. Утром, передавая раскуренный косячок, он спросил одного из них, Халиля: «КСТАТИ, ХАЛИЛЬ, ДАВНО ХОТЕЛ ТЕБЯ СПРОСИТЬ: КОГДА ТЫ СТАНЕШЬ ШАХИДОМ И ТЕБЯ ВСТРЕТЯТ В РАЮ 72 ДЕВСТВЕННОЦИ-ГУРИИ, ХВАТИТ ЛИ ТЕБЯ ОДНОГО НА ВСЕХ?». Халиль уверенно ответил, что «ШАХИДУ В РАЮ ОБЕСПЕЧЕНА ВЕЧНАЯ ЭРЕКЦИЯ». Но напарник Фанус, на вид более серьезный и религиозный, возразил, что в Коране совсем ничего про секс в раю нет, и вообще пророк обещал мученикам 72 белые изюмины – гуры, а не гурии. То есть радость философскую, но не плотскую. Моти насторожился, когда его арабские друзья заключили об этом пари. «Приедут ли мартышки в следующем месяце?» – зрело в нем беспокойство. Грустные размышления оборвал Ичик, официант, сообщив, что гостям понравился фокаччо, и они хотели бы его и к основным блюдам. Моти взял несколько лепешек и кинул их в электропечь. Подумав, он поставил её на максимум. Внезапно под полом началось какое-то общее бурление. Через минуту звук

локализовался в центре кухни, и из сливного отверстия начала сочиться пенная и не благовонная жидкость. Кухня оказалась разделенной ею пополам: в одном углу толпились ошарашенные повара и официанты, в другом электропечь подавала сигналы полной готовности. Чужеродная масса последовательно захватывала пространство кухни. Мобилизовав швабры, Моти и Макаркин совершили попытку прорыва к дымящейся электропечи. Но в последний момент они одновременно сообразили, что швабры мокрые, электропечь пробивает ток, а выключатель регулярно заедает, и, остерегшись, отступили. Новых добровольцев вырубить печь не нашлось. Булькающая хлябь напознала. Глаза щипало гарью горящего в печи фокаччо, усиленной зловонностью наступавшей в зал массы. Вслед за швабрами, отгонявшими напирющую понизу жижу, были мобилизованы также вентиляторы и полотенца, гнавшие зловоние поверху обратно в кухню. Командование взял в свои руки вновь прибывший Шломо, с его слов – бывший офицер ВМФ Армии Обороны Израиля. Макаркин был послан в обход: через черный вход пробраться в кухню, по разделочным столам добраться до печи и древком швабры вырубить дымящуюся печь. Марти получил задание совершить диверсию в глубоком тылу противника: захватить на складе пакет каустической соды, засыпать в засорившийся унитаз в служебном туалете и немедленно залить крутым кипятком. Остальной личный состав должен был держать фронт мойка-подсобка на направлении «КУХНЯ-ЗАЛ» до последнего, как Шломо с друзьями «В СУДНЫЙ ДЕНЬ НА ГОЛАНАХ». «ДА ХОТЬ ПЕЙТЕ ЕЁ» – указал он на жижу, «НО НИ КАПЛИ В ЗАЛ». В тот момент, когда Сергей, сидя на рыбном столе из последних сил практически вслепую дотянулся-таки до выключателя, в служебном туалете раздался глухой взрыв. Судя по тому, как жидкая масса с чавканьем ушла в свое отверстие, Марти тоже совершил свой подвиг.

Вероятно, филиппинский министр с сопровождающими его израильскими коллегами успели почувствовать или заметить какой-то диссонанс в обычно слаженной работе персонала, так как, уходя, тот поблагодарил Шломо, добавив однако, что камин, похоже, коптит и его надо бы почистить.

После смены, когда Макаркин ехал домой на велосипеде и размышлял, сможет ли он когда-нибудь еще питаться в общепите, недалеко, в районе Кфар-Шмарьягу, послышались отдельные выстрелы. На перекрестке у банка «Леуми» из ночной тьмы наперерез Макаркину выскочил человек в форме полковника израильской армии. В руках у него был пистолет. Макаркину показалось странным, что у полковника было абсолютно восточно-азиатское лицо, а сам он кричал высоким голосом «Банзай» и другие троцкистские лозунги по-английски и испански. На перекрестке азиат два раза выстрелил в воздух. Воздух, так необходимый велосипедисту на подъеме, оказался напрочь испорченным стойким блендом из запахов пороха и бренди «777». Вослед азиатскому полковнику пробежала дюжина израильских полицейских, также изредка стрелявших в воздух, будто подбадривая себя. «Семидесятые возвращаются, – подумал Макаркин – Японская Красная Армия высадилась в Герцлии. В клёшах, с хайром, бакенбардами и усами „бунтарь-семидесятник“». Прежде оживленное шоссе опустело. Вдалеке завывали сирены. Макаркин нажал на педали, чтоб не попасть под какую-нибудь облаву.

В утреннем выпуске русскоязычной газеты «Вести Ха-шарона» Макаркин с интересом прочитал, что Гарсия Рамос, филиппинский камердинер жившего в Кфар-Шмарьягу полковника Армии Обороны Израиля Н., решил пожаловаться «своему» министру на своего хозяина, задолжавшему ему за три месяца. Из невыясненных источников он узнал, что филиппинский министр будет ужинать в приморском ресторане Герцлии-Питуах. К министру его охрана не пустила, но по-землячески дала в утешение бутылку дешевого бренди. Очевидно, Гарсия Рамос решил утешиться по-настоящему, по-филиппински, добавив к бренди пиво с водкой и маленький путч с хунтой.

Кроме информационной заметки, Макаркина заинтересовали в газете стихи местных поэтов.

Борис КАМЯНОВ

МАРШ ЛЮБВИ

Стихи о еврейской демократии
Сегодня – День Независимости. Независимости от Бога.
С разных концов Израиля вошел в столицу народ.
По улице Яффо – шествие. Перед толпой дорога
Серой скатертью стелется до самых Яффских ворот.
Впереди – жеманные пидоры, гордо зады отклячив,
Надувных голубых шариков над ними весёлый рой.
За ними – коблы с ковырялками, сплетясь в объятьях горячих,
Тащат на нитках розовые шарiki за собой.
Идут к Сиону паломники. Мы им даровали ныне
Право глумиться над истинами, записанными в Торе.
Право блудить прилюдно и осквернять святыни.
Право совокупляться на храмовом алтаре.
Среди резвящихся – члены, прошу прощения, кнессета,
Писатели, музыканты, актрисы, балеруны,
Беженки из России с дипломом училища Гнесиных,
Местные трансвеститы – элита нашей страны.
Еврейская демократия, ты можешь собой гордиться:
Во всемирную педерацию входим теперь и мы!
То, чего ты добилась, враги не могли добиться:
Государство Израиль ныне – бардак во время чумы.
...Вечер. Парк Независимости. Бесы вокруг мангалов
Хлещут любовное зелье, до одури, допьяна.
А в получасе езды от торжествующих гадов
Идет – похоже, последняя в нашей судьбе – война.

(Стиль и орфография автора сохранены. Все права принадлежат газете «Вести», концерт «Едиот Ахронот»)

Моти совсем загрустил и вышел в досрочный отпуск. На его место досрочно из отпуска вышел Барух Беленький, репатриировавшийся 15 лет назад из Молдавии. Ознакомительный диалог Макаркина и Баруха был кратким: «Привет, я Барух; я вместо Моти. Но я не Моти – у меня будешь летать, как муха». «Пошёл на хер, Барух». Макаркин попросил расчет, Шломо рассчитал его копейка в копейку, агора в агору.

Заплатив 200 шахов («новых израильских шекелей») «Центру Помощи Олим» Макаркин поступил в распоряжение посреднической конторы «Тавус» в лице подрядчика («каблана») Пинхаса. Тот, в свою очередь, передал Сергея в аренду Теннисному центру в Кфар-Йарок, между Рамат-Ха-Шароном и Северным Тель-Авивом. «ПЫЛЬ С КОРТОВ СДУВАТЬ». Путь туда был долгим даже на велосипеде, но Сергею была обещана компенсация в размере стоимости месячного автобусного проездного.

В первый же день Сергею была продемонстрирована штатная организации Центра и его иерархическая структура (приведена снизу вверх, кавычки означают ссылку на «страну исхода»): 1) «марокканка» Хава (туалеты и душевые), русский Макаркин (корты и дорожки), «йеменец» Рувен (садовник, пенсионер, старший в группе); 2) «румын» Йоси, старший над всеми тремя предыдущими; «аргентинки» Габи и Эстер, рецепционистки; 3) «англичанин» Моше, старший над шестью предыдущими; прочий англосаксонский административный состав (около 10 любезных женщин и девушек), в большинстве своем не говорящий на иврите и в основном занятый перепиской со старыми американскими спонсорами и навязчивым

рекрутированием новых; 4) последний из оставшихся в живых отцов-основателей Центра «поляк» Бени и его ближайшие родственники. Бени утверждал, что играл в теннис с Хаимом Арлозоровым. То что он играл с Бен-Гурионом, Вайцманом, Бегином, Даяном и Рабиным подразумевалось как бы само собой. Отдельная «деклассированная» группа – смуглые загорелые тренеры, сводные братья пляжных спасателей, но, в отличие от них, помимо секса тупо помешанные не на парусах и досках, а на мячах и ракетках.

Пока Сергей Макаркин под руководством Рувена вникал в тонкости ухода за 22 кортами (в том числе двумя грунтовыми) и специфику работы немецких воздуходушных машин, в Центре проходил Чемпионат Европы по теннису среди инвалидов. После того, как Макаркин мягко указал Рувену на то, что флаг Испании и логотип Найка «Just Do It» повешены вверх ногами (Рувен специально бегал к «англосаксам» в офис, чтобы абсолютно удостовериться), Макаркин, наряду с «румыном» Йоси, стал считаться интеллигентным человеком, а заодно и ответственным ещё и за флаги с транспарантами. Йоси немного ревновал нового «интеллигента», и попытался подставить Сергея с греческим флагом (неудачно).

При разгрузке фургона с бутылками питьевой воды «Иден» произошел легкий инцидент. Бутылки перегружались на неамортизированную повозку, и при движении по вымощенным дорожкам Центра повозка гремела как взвод Т-34 на Красной площади. Инвалиды нервничали и теряли подачи. Член оргкомитета чемпионата Питер Дубноу из Гибралтара (крупная табличка на груди, вероятно для инвалидов по зрению) решительным жестом остановил победоносное продвижение полноводного громыхала, и разыграл с Макаркиным этюд на тему допроса советского добровольца немецким офицером в испанской гражданской войне. Макаркину не хватало только таблички на грудь – «Поджигатель Кордовы»: «Ви есть специально нарушать порядок. Я буду вас наказать». *«Говори по-английски или на иврите, я ваш украинский не понимаю. По-русски, по-немецки можно, по-французски. Только не по-украински»*. «Ви всё понимать и специально притворяться, чтобы вредить. Ви не любить инвалиды». *«Я люблю инвалидов. Я не люблю уродов»*. «Что есть урод?»». *«Не знаю, как это по-вашему, по-украински. Спросите у Бени. Он должен помнить свой польский. А насчёт бутылок – скажи, куда сгружать, я потихоньку всё перенесу на руках»*. «Хорошо. Ви есть стараться. Но все русские – плохой работники. Да». «А ты всё-таки урод, член оргкомитета Питер Дубноу, Гибралтар».

Вторая рабочая неделя началась с демонстрации чуда. Как обычно, легко позавтракав, Сергей кинул в велосипедную корзину-багажник пару бутербродов. При переезде 6-полосной автостреды по пешеходному переходу заднее колесо соскочило с бордюра и отпружинило. Крышка корзины-багажника распахнулась и два бутерброда, перелетев через голову и, освободившись по пути от бумажной обёртки, плюхнулись на проезжую часть. Маслом вверх. Оба. Законы физики в Израиле, похоже, уже не действовали. Макаркин поочередно посмотрел на водителей трех ближайших автомобилей. Да, они тоже видели, что бутерброды упали маслом вверх. Не сговариваясь, все трое изобразили вежливое удивление. Подняв бутерброды, Макаркин продемонстрировал им, что всё по честному, масло только с одной стороны. Все трое изобразили, что они и так ему поверили. Светофор сменился, лица троих пожелали ему и дальше такого же удачного дня.

Реально день выдался не столь удачным. Приближались весенние каникулы, на базе Центра организовывался детский лагерь. Яркое весеннее солнце набирало обороты, как и рекламная компания косметических компаний против солнечных лучей. Руководство Центра требовало, чтобы в местах возможного скопления детей были натянуты полупрозрачные тенты. Моше обозначил места, где возможно скопление детей, Йоси взял на себя общее руководство, Рувен с Сергеем приступили к сборке из элементов строительных лесов передвижной «вавилонской башни», должной обеспечить доступ если не к солнцу, то к достаточно высоким точкам, где можно закрепить солнцезащитные тенты. Рувен, боявшийся высоты, предпочёл передвигать внизу башню, оборудованную двумя мелкими колёсиками, нежели на семи-

метровой высоте вязать узлы, фиксируя парусящие тенты. Наверх пришлось лезть Макаркину. Конструкция постоянно болталась и шаталась, но сохраняла целостность. После подвязки первых креплений на осветительных столбах дело заспорилося. «СДЕЛАНО!» – кричал Сергей. «ДВИГАЮ!» – кричал Рувен. Через минуту на новом месте. Еще через минуту снова: «СДЕЛАНО!» «ДВИГАЮ!». Еще две минуты – «СДЕЛАНО!» «ДВИГАЮ!». Появился ритм. Перешли к креплению на стене. «СДЕЛАНО!» «ДВИГАЮ!» «СДЕЛАНО!» «ДВИГАЮ!». Макаркин чуть замешкался, когда одна из подвязок оборвалась. Пытаясь дотянуться до развешивающегося на ветру обрывка он зацепился рукой за верх стены, ногой уперся в неё. Но Рувен, задумавшийся о чём-то своем, как и все пенсионеры, подчинялся уже ритму, а не команде, и сдвинул башню. Макаркин остался висеть на стене. Стена отделяла территорию теннисного центра от высокоскоростной автострады. Сергей попытался подтянуться. Внизу, за стеной, неслись в обе стороны сотни автомобилей. «И, разумеется, всем по х...й, что я сейчас тут ё... нусь к едрене фене» – подумал Сергей, глядя на движущиеся лакированные армады. Руки не могли зацепиться и медленно скользили к краю. Горло пересохло. Слова терялись еще где-то на уровне ядер среднего мозга, и изо рта несло только удивленное «Э-э-э-э?». Пенсионер-мыслитель Рувен передвинул башню еще дальше. Наконец, пара простых членораздельных слов пробила запруды в среднем мозгу Сергея и вышла звуком наружу: «Э-э-э, аллэ, ёба?». Рувен взглянул вверх и сравнительно расторопно подставил башню назад под болтающуюся ногу Макаркина. Сергей внимательно посмотрел на «йеменца». Тот явно не чувствовал за собой никакой вины, так что раскручивать его на ящик пива было бессмысленно.

Тем не менее вечером Макаркин впервые в Израиле напился. Когда раздался контрольный звонок хозяина из Брюсселя, уже никакой Сергей мертвым голосом пробубнил в трубку, что «он никакой, ему плохо, он умирает». Через пять минут приехали полиция и скорая помощь. Полицейские оцепили виллу. Сирены полицейских и санитарных машин завывали так, что Сергею ещё больше захотелось умереть. Из окон высунулись соседи. Собрав последние силы, Макаркин открыл входную дверь и вышел с поднятыми руками, канюча: «ВСЁ В ПОРЯДКЕ. Я – СТУДЕНТ. УЧУ ИВРИТ. ЗДЕСЬ РАБОТАЮ НОЧЬЮ. ПОЖАЛУЙСТА, ПРОСТИТЕ МЕНЯ. Никакого отравления – только ограбление. Нет, правильно – никакого ограбления – только отравление. НА ВИЛЛЕ ВСЁ В ПОРЯДКЕ. А У МЕНЯ БОЛИТ ЖЕЛУДОК». В подтверждение последнего тезиса, как будто дожидаясь, чтобы о нём вспомнили, желудок самопроизвольно продемонстрировал своё содержимое. Полицейские проверили документы и тщательно осмотрели виллу. Врачи проверили язык, давление и бегло осмотрели желудочное содержимое. Опросив соседей и посоветовавшись с медиками, полицейские с сиреной удалились. Медики забрали свои 200 шекелей и уехали, тоже с сиреной. Позвонил хозяин, и сказал, что не заплатит за всю эту неделю. «Эксплуататор» – обозвал его Макаркин и уснул.

Утром он проснулся от криков. Как обычно по утрам ругались муж и жена, владельцы соседней виллы, судя по всему – евреи-марокканцы. Благодаря свойствам израильского бетона и влажному средиземноморскому воздуху акустика была превосходная. До этого дня, не вслушиваясь и не понимая смысла фраз, Сергей полагал, что у соседей кипят нешуточные шекспировские трагедии, исполненные азиатской страсти, соответствующие респектабельности района, что то вроде: «Мерзавец! Ты сломал мне жизнь! из-за тебя я оставила семью, бросила всё! Мой отец, не выдержав позора, умер! А теперь ты бросаешь меня одну с детьми ради этой молодой пигалицы!» «Нет, это ты исковеркала мою судьбу! Из-за тебя я предавал друзей, шёл на убийства, а ты никогда не ценила моей любви и преданности!» Но в это утро до Сергея дошёл истинный смысл соседских криков и стонаний: «СТАРЫЙ ДУРАК! ТЫ ОПЯТЬ ЕШЬ ЯИЧНИЦУ В ПОСТЕЛИ! СКОЛЬКО РАЗ МОЖНО ТЕБЕ ГОВОРИТЬ – НЕ ЕШЬ ЯИЧНИЦУ В ПОСТЕЛИ!» «НЕ СМЕЙ НА МЕНЯ КРИЧАТЬ, ПРОСТИТУТКА! НИКОГДА БОЛЬШЕ НЕ СМЕЙ НА МЕНЯ КРИЧАТЬ, СТАРАЯ БЛЯДЬ!»

На работу в теннисный центр Сергей решил ехать на автобусе, опохмелившись и трезво оценив свою сегодняшнюю способность управлять велосипедом. В любом случае он опаздывал не менее чем на час. Он стоял на остановке рядом со строгим хасидом и тупо пялился на аптеку на другой стороне улицы. Улица была пустынная. По дороге медленно ехал микроавтобус с арабскими номерами и надписями по борту, на крыше стоял мегафон. Из мегафона гнусным голосом неслись какие-то призывы. Макаркину показалось, что призывы были на немецком языке. В голове завертелись мысли. «Господи, сколько ж дней я проспал-пропьянствовал? Может, пропустил что? Орут, как будто всех собирают: все на регистрацию! все на регистрацию! Никак не пойму, что орут – вроде как и в самом деле на немецком? Дивизии Роммеля пробились таки в Палестину? Где ж они 50 лет колобродились? Неужто, как Моисей, по Синаю? А что хасид такой спокойный? Неужто уже зарегистрировался?». Сергей решил осторожно спросить, какое сегодня число. «ПЕРВОЕ» – ответил хасид. Странно, последний раз было девятое. А месяц какой? «Тамуд». Понятно, не стоит даже и пытаться пересчитывать в июньские числа. А что араб в мегафон кричит? «Локеях альтезахен». Понятно – беру (иврит) старье (идиш-немецкий). От сердца отлегло.

Макаркин вспомнил, что нечто подобное рассказывал про себя Илюша Разумовский. По приезде в Израиль Илья поселился в Хадере, а работу нашёл в Герцлии. На работу пришлось ездить на электричке Хайфа – Тель-Авив. Поехав в воскресенье утром первый раз на работу, он обнаружил, что вагон набит молодыми людьми и девушками, большинство с большими сумками. В туалет стояла большая очередь, причем и в очереди тоже все были с сумками, никто не оставлял их в вагоне. «Ну, беспокоятся люди за своё имущество» – не удивился Илья. Он сел на свободное место. Напротив него сидели двое молодых людей весьма арабского, как ему показалось, вида и равнодушно пялились в окно. Изредка бросали друг другу короткие комментирующие пейзаж фразы по-арабски. Между их ног лежали здоровые сумки. Из сумок торчали стволы автоматов. «Террористы! – спина Ильи похолодела, – Господи, что делать? Тут вроде были двое солдат. Как их предупредить?» В голове стали созревать планы. Попробовать обезвредить их самому? А вдруг у них есть здесь сообщники? Илья решил максимально равнодушно встать и пройти к тамбуру, и уже там незаметно для подозрительных попутчиков сообщить проезжающим военным ЦАХАЛа об изготовившихся к атаке террористах. Он встал и сделал шаг к тамбуру. Но тут он увидел, что по проходу идет девушка-солдатка. С автоматом, в форме, при всех делах. Всё бы ничего, но пять минут назад он видел именно её, в платьице, смиренно стоящей в очереди в туалет. Илья сел на место и стал наблюдать за очередью. Цивильно одетые ребята с очевидными следами на лицах всех излишеств, случившихся с ними в бурные выходные, по одному заходили в туалет и через две-три минуты выходили оттуда одетыми в военную униформу, хоть и зачастую небрежно или даже неряшливо, но с оружием. Некоторые, выходя, продолжали бриться или чистить зубы. Когда поезд остановился в Герцлии, три четверти пассажиров оказалось полностью готовыми к тяготам и лишениям боевой службы солдатами. Смуглые попутчики были друзьями, сержантами бригады «Гивати».

На работе Макаркина ждали строгий выговор и новая оригинальная вводная от Йоси: перед установкой новых ломать старые зрительские сиденья на большом теннисном стадионе «Канада». В помощь ему был приставлен молодой араб-палестинец. «У тебя нет здесь друзей – фанатов „Спартак“?» Араб, разумеется, вопроса не понял. Вооружившись кувалдами, Макаркин с арабом приступили к официально одобренному вандализму. Начав с самого верха, они кувалдами сбивали крепления кресел и скидывали их вниз. Тридцатиградусная жара и протесты измученного водкой организма быстро сделали свое дело: через полчаса Макаркин совершенно выдохся. Присев на верхнем ряду, он устало оглядел окрестности: на востоке перспектива следовала руслу Аялона, «речки-вонючки», и упиралась в далекие Иудейские горы, на севере шумела автострада, за ней зеленели кварталы Рамат Ха-Шарона, а еще дальше – Герцлии и Раананы, на западе высился холм, покрытый киббуцными грядками и увенчанный

водонапорной башней, на юге виднелись аккуратные домики Цахалы – посёлка израильских генералов. Где-то там за деревьями скрывалась вилла Моше Даяна, служившая когда-то пристанищем многочисленным археологическим находкам генерала, правдой и неправдой добытыми на полях сражений и возле них.

«А что, Абдель, есть у тебя какие-нибудь древние штучки-артефакты, что-нибудь дедовское?» «У деда много чего было. У него был большой дом в Яффо». «Ага, все вы говорите, что дед был купцом или шейхом. А на самом деле, наверное, с детства до старости коз в Негеве гонял». «Нет, дед был богатый. Нашу семью евреи в 1948 году из Яффо прогнали». «Да уж, припугнули слегка, а вы сразу бежать. Если говорите, что земля здесь ваша, то что ж не бились за нее? Ушли, как гости незваные. Вон у нас в России, когда Германия напала, половина мужчин погибла, четыре года воевали днем и ночью, и в конце концов победили, Берлин взяли». «Арабы – мирные люди, воевать и убивать не умеют». «Ага, мирные люди. Видел я, как эти мирные люди других мирных людей в автобусах взрывают. Такая вот борьба за мир». «Они так борются. У них нет другого выхода». «Бери автомат, сколачивай банду, стреляй в солдат – тогда хоть как бойцов уважать можно. Вот как чеченцы. Или сжигай сам себя у кнессета, как тибетские монахи». «КАКИЕ КЕБЕНЕМАТИ ТИБЕТСКИЕ МОНАХИ В КНЕССЕТЕ? ЧЕГО ТЫ НЕСЕШЬ? НАМ ЯПОНСКИХ В БЕН-ГУРИОНЕ ХВАТИЛО. И ВООБЩЕ – ЧЕГО СИДИМ, ТОВАРИЩИ? РАБОТАТЬ, РАБОТАТЬ!» – появился Йоси и восстановил пролетарский интернационализм. Впрочем, реанимировав работоспособность Сергея и Абделя, через 10 минут он примчался снова, остановив работы ввиду «обнаруженных изменений в проекте реконструкции стадиона». «Получив приказ – не спеши выполнять: скоро отменят» – вспомнил Макаркин давнюю армейскую поговорку. Хотелось верить, что высокое начальство как можно долго будет читать чертежи и созваниваться с архитекторами проекта. Сергей устроился в тени навеса и задремал. Смуглое лицо палестинца стало казаться ему похожим на лицо другого «араба», его Большого Друга. «Абдель, ты хочешь сниматься в кино?»

* * *

Товарищ старший сержант Аскеров любил, чтобы его называли «страшный сержант» и требовал от подчиненных соответствующих обращения и выражения отношения. Полагалось, чтоб молодой боец, приложив дрожащую руку к головному убору, мямлил трепещущим голосом: «Т-т-товарисч ст-т-трашный сержант, р-разрешите об-братиться...» «Разрешаю». «Р-разрешите удалиться из расположения р-роты в расположение 2-ой минометной бат-тарей. У меня там зем-мяк из отпуска приехал». " «Ну что ж, пи... дуй, держать не стану/ Я таких, как ты, мильон достану/ Всё равно же поздно или рано/ Ты сама вернешься ко мне по шпалам босиком, зараза... (с)» – под одно-аккордный гитарный аккомпанемент ласково пропел Аскеров, – ... через полчаса построение». С легкой руки командира роты Хлопчего, тоже страшного, но лейтенанта, «Еб... ть и Строить» было девизом сержантского и офицерского состава 9 мотострелковой роты орденов Суворова и Богдана Хмельницкого 221-го мотострелкового полка Н-ской Краснознаменной дивизии. После команды «кругом», радостный зольдат, приложив руку к ушанке, разворачивался на каблуках, страшный сержант Бахтиёр Аскеров, также отдав честь, отвечивал ему полновесный пендюль, и «вольнотпущенный» закрученным мячом улетал за боковую линию расположения роты. «Аут». Футбольная терминология широко использовалась Бахтиёром Аскеровым. По его утверждению, до армии он играл во втором составе ташкентского «Пахтакора». В приволжских степях оказался только потому, что был отчислен из спортивной роты родного Среднеазиатского ВО за систематические избиения сослуживцев, включая командира роты. В куйбышевской учебной дивизии Приволжского ВО «ссылнокавторжному» Аскерову слегка вправили мозги, выработав устойчивый рефлекс «не спорь с офицером». Возможно, в нем просто разбудили рефлекс чинопочитания, обычно

врожденный у уроженцев среднеазиатских республик. Но вправление мозгов как насильственная, целенаправленная и протяженная во времени процедура, всё-таки, очевидно, имело место.

Последний протуберанец несанкционированной начальством «крутизны» случился у Аскерова по прибытии его из учебки к месту несения дальнейшей службы – в Н-скую Краснознамённую мотострелковую дивизию, дислоцированную в поселке Тоцкое-4 Оренбургской области. Командир роты старший лейтенант Хлопчий тогда заметил, что после прибытия молодого, но очень наглого сержанта число синяков под глазами и красных опухших ушей в роте значительно превысило эндемичный уровень. Появились сломанные челюсти. При построении роты на обед комвзвода лейтенант Носов был послан сержантом на х...й. Тем же вечером старший лейтенант Хлопчий вызвал сержанта Аскерова в канцелярию. За столом, рядом с командиром роты, опустив голову, сидел замполит роты лейтенант Мамедов. На столе лежали газета «Советский Узбекистан» и пистолет. Хлопчий поднял тяжелый взгляд на ухмыляющегося Аскерова и хрипло произнес: «Ну что, Бахтиёр, довыёб... вался?». Аскеров, увидев свежий номер центрального органа ЦК компартии родной республики на командирском столе, несколько удивился и насторожился. Хлопчий взял газету и стал читать её ровным, спокойным голосом: «Указ Президиума Верховного Совета Узбекской Советской Социалистической Республики. За систематическое нарушение воинской дисциплины, неисполнение служебных обязанностей, халатное отношение к воинскому долгу, а также нанесение телесных повреждений, в том числе тяжких, военнослужащим Советской Армии, сержант Аскеров Бахтиёр Абдулрасулович приговаривается к высшей форме социальной защиты – расстрелу. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Исполнение на месте. Председатель Президиума Верховного Совета, первый секретарь компартии Узбекистана Усманходжаев». Командир роты передернул затвор пистолета, навёл в голову сержанту Аскерову и нажал спусковой крючок. Раздался тихий шелчок. Аскеров рухнул на пол. Замполит поднес к его носу заготовленный тампон с нашатырным спиртом.

После перенесенных потрясений, то есть приблизительно через год после ускоренного выпуска из куйбышевской учебки на вольные хлеба Тоцкого гарнизона, у страшного сержанта Аскерова начали развиваться навязчивые состояния разновекторной любви. Первой проснулась любовь к агдамскому портвейну. Она началась с разгрузки ротой цемента на станции Сызрань и знакомства на месте с азербайджанскими коммерсантами, вылилась в неделю ударного труда и пьянства (личный состав разгружал ящики, а комсостав цистерну с дарами солнечной республики), и завершилась ночным одиночным налётом сержанта на цистерну. Путевой обходчик, как бы невзначай проверяя железнодорожный тупик, обнаружил на дне цистерны тело и вызвал наряд милиции, прибывший незамедлительно. Извлечение тела превратилось во всенародную акцию районного масштаба. Сержанта вычерпывали несколько часов, «с шутками и прибаутками», как на застойном коммунистическом субботнике, чего не было в Сызрани уже года два, с начала перестройки.

По выходе с гауптвахты сержант Аскеров полюбил сказки, приобщившись там, вероятно, ещё и к какой-то исконной народной мудрости. Сначала, собрав в круг земляков из Ферганской долины Узбекистана, он вечерами рассказывал им на родном языке историю своего рода. Подавляющее большинство личного состава роты были выходцами из мусульманских республик, и посему некая смесь «общетюркского» языка с русским служила в ней основным средством межнационального и бытового общения. Поэтому со временем основные вехи семейной истории Аскеровых стали становиться достоянием и русскоязычного меньшинства. Из нее выходило, что он никакой не узбек, а самый что ни на есть араб, и не просто араб, а из семьи шейхов и очень тайных имамов. Что узбекский он выучил только по принуждению в школе, а до того он говорил и писал только по-арабски. К сожалению, полтора года назад на учебном полигоне Черноречье под Куйбышевым язык Мохаммеда был выбит из его головы изучением ходовой части БМП-2, чего он «этим пидорам», разумеется, никогда не простит, и,

возможно, они ещё очень обо всем пожалеют. Хотя написание отдельных арабских букв и единичных слов он ещё помнит, о чём свидетельствовал ряд закорюк, выведенных авторучкой на его бушлате. В вечерних сагах Аскерова его предки встречали на своем весьма извилистом жизненном пути и лично наставляли уму-разуму такие персонажи общемировой истории, как Шамиля, ханов Узбека, Улугбека, Тимура, Чингиза и Искандера Двурогого (Александра Македонского). С пророком Мохаммедом им, увы, на этой земле встретиться не пришлось. Очевидно, по причине их занятости. На ехидное по сути и наивное по форме замечание младшего сержанта Сергея Макаркина, что такая вдохновляющая история, должно быть, уже увековечена в каком-нибудь выдающемся произведении узбекской советской литературы, последовал громкий вздох сожаления. Но идея письменно увековечить великие деяния предков пала на благодатную почву незамутненного разума, и в последующем воспоминания сержанта Аскерова уже поочередно конспектировались первогодным личным составом на политзанятиях, которые сам сержант Аскеров обычно и проводил, заменяя замполита Мамедова. Старослужащие также присутствовали, с уважением помалкивая на задних рядах, и занимались подготовкой к дембелю своих дембельских карнавальных костюмов. Конспекты записывались в две разрисованные псевдо-арабской вязью тетради (каллиграф – рядовой Питеров), одной суждено было стать «дембельским блокнотом», другой – частью «дембельского альбома» сержанта Аскерова. Политзанятия с конспектированием проводились, правда, уже на русском языке, ибо политподготовка на национальном могла, по меньшей мере, насторожить замполита. Сам замполит Мамедов в это время обычно проводил политинформацию в женском общежитии стройтреста. Аскеров тайно мечтал когда-нибудь заменить его и там.

Незаконченное высшее образование сыграло с Макаркиным злую шутку: он успевал конспектировать практически всё и без ошибок. Особой разницы между материалами 19-ой партконференции и потоком сознания страшного сержанта не было. Но отдельные эпизоды подвигов предков могли всплыть в голове у Аскерова и посреди ночи, а поднимать всю роту на политзанятия в это время казалось неразумным даже ему. Так младший сержант Макаркин стал официальным личным писарем воспоминаний и.о. старшины 9 роты Бахтиёра Абдулрасуловича Аскерова, потомственного шейха Бухоро-Шарифа и прямого кандидата в народные муфтии от Советабадского района. За 2600 лет до этого Варух впервые записал Иеремию. За 26 лет до этого Джордж Мартин впервые записал Битлз. Валентин Юмашев появится у Бориса Ельцина только через 2 года и 6 месяцев.

Очень скоро (лучше сказать – практически сразу) сказания Бахтиёра стали подозрительно напоминать распространенные среднеазиатские байки и изложения популярных кинолент Узбек- Казах- Таджикифильма и студий Бомбея и Гонконга. В конце концов, после воскресного показа в солдатском клубе киргизского киношедевра «Бойся, враг, девятого сына», который весьма смахивал на одно из свежих повествований сержанта, он признался, что этот фильм снят по воспоминаниям его деда. «А девятый сын – это и есть я». Кто я – дед Карим или внучок Бахтиёр – спрашивать никто не решился, ибо в любом случае выходила какая-то нестыковка, из-за которой лучше не ломать голову (в прямом и переносном смысле).

В конце концов лимит оригинальных историй сержанта Аскерова как-то сам собой исчерпался, и на одном из политзанятий после начальной десятиминутной паузы и наморщиваний лба Аскеров заявил: «А хули я один всё время напрягаюсь?». Так Макаркин оказался на трибуне. Над головой висел плакат «Нет планам «звездных» войн!», и в самую голову, как назло, никакие звездные идеи не лезли, абсолютно ничего, что можно смело поведать сослуживцам. Сослуживцы, в свою очередь, явно терзались сомнениями, надо ли конспектировать грядущие излияния младшего сержанта. В свое время, будучи школьным политинформатором, он заполнял информационный вакуум безвременья политкорректными анекдотами – про дистрофиков, ковбоев, похотливых котов и кошек. Анекдоты основывались на игре слов, и явно плохо годились тюрко-язычной аудитории. Нужна была мелодрама или, на худой конец, бое-

вик. Из этих жанров в голове крутились лишь обрывки «Легенд и мифов Древней Греции» Куна. Ну что ж, как говорится, куда кривая вынесет. На безрыбье и Кун рыба. Подвиги Тезея. При изложении Тезей синхронно, для придания нужного колорита, стал Мустафой, Зевс – пророком Мусой («иншалла – первым в ряду Пророков»), Гея – Зухрой, Гермес – архангелом Джабраилом, Афины – Самаркандом, Дельфы – Бухарой, Эгейское море – Каракумами, корабли (триеры) – кораблями (пустыни). Первый подвиг Мустафы был выслушан с интересом. «Э, да, кто тебе, чума, сказал историю моего прадеда? Он сказал ее только своему старшему сыну только перед его смертью», – страшный сержант в наигранном гневе смахнул со стола три тома Полного Собрания Сочинений (до этого, на протяжении арабо-древнегреческого политзанятия, он натягивал на них свою ушанку для придания ей остроумной «кирпичеобразной» формы). «Наверное, профессор Кун встречался с ним во время своего самаркандского путешествия». «Короче, – сержант Аскеров обернулся к роте, – все быстро забыли, что тут вам сейчас говорилось. Это тайная история моего рода. Убью суку, кто вспомнит про дедушку Мустафу». С этого времени ротный санинструктор и личный писарь и.о. старшины младший сержант Макаркин стал еще и приватным рассказчиком страшного сержанта, заслужив от него обозначение Друг. Оно обязывало так же – Друг – обращаться и к Бахтиёру Аскерову; по частоте употребления в их диалогах это слово могло соперничать со словом «сэр» в диалогах американской армии: «Как дела, Друг?». «Очень хорошо, спасибо, Друг». «Не вижу радости, Друг. Может, Друг хочет кушать?». «Нет, спасибо, я сыт». «Ты не сказал «Друг»». «Извини, Друг, я думал...». «Ты думал, что я тебе уже не Друг. Ты думал, что я тебя предал. Так, Друг?». «Нет, что ты, Друг. Друг не может предать Друга». «Друг не может. Ты можешь» (Ёбс по морде). «Друг еще больше загрустил... Ты на меня не обиделся?». «Что ты, Друг. Друг не может обидеться на Друга». «Но я тебя ударил, Друг...». «Ты просто ошибся, Друг. Враги заставили тебя». «О-о, Друг понял Друга. Прости, Друг». Долгое объятие. Рота, просветлённая диалогом Другей, молчит. С одной стороны, это служило надежной охранной грамотой от внешних потрясений, в избытке подстерегающих практически любого солдата на первом году службы. С другой, эти потрясения казались иногда Макаркину легким дуновением ветра в сравнении с ураганом Большой Дружбы.

Два часа ночи. Наряд по кухне вернулся в роту. На цыпочках кухонные крепостные приносят к кровати страшного сержанта поднос с жареной картошкой, маслом, белым хлебом, крепким чаем. Так же на цыпочках исчезают во тьме расположения роты. У кровати страшного сержанта собирается достархан из его ближайших сподвижников – каптерщика Муслимова и замкомвзвода Асламова. В какой-то момент Друг вспомнил о Друге. Вопль рвет душе пространство казармы: «Дру-у-г!!!». Девушка Люба из сна младшего сержанта раскрывает свои объятия и истошно орёт «Дру-у-уг!». Сон теряет свою логику. Это уже не сон. Может, крикнет «страшный» пару раз и уймется? Рота как по команде перестала ворочаться, храпеть и пукать. «Друг! Друг не слышит меня! Мой Друг умер!». Сержант Аскеров срывается с места и устремляется напрямик к Другу, по пути переворачивая тумбочки и кровати с уже не спящими воинами. Воины с перевернутых кроватей как тараканы заползают под уцелевшие лежбища более удачливых соседей. Когда ночью Друг ищет Друга – лучше не светиться. Закон казарменных джунглей. Другей разделяет еще около двух дюжин кроватей. Макаркин спохватывается, и, заранее распахнув объятия, так же наперерез, перепрыгивая через кровати, летит навстречу Другу. «Друг! Я звал тебя, а ты молчал. Я думал, что ты умер. Я расстроился. А ты вот жив. Ещё». «Друг! Ты вспомнил обо мне даже ночью! Я так взволновался, что у меня перехватило дыхание. Но я сразу побежал к тебе». Рота несколько разочарованно вздохнула: «Вроде выкрутился, сука». «Друг! Я оставил тебе покушать». «Спасибо, Друг!».

9-ая мотострелковая рота на весь период летней боевой подготовки была переброшена на усиление Сызранского стройбата. Основной боевой задачей стало сооружение большого котлована на территории военного завода. Сам завод занимал площадь несколько десятков квад-

ратных километров, густо утыканную громоотводами и заполненную редкими небольшими кирпичными ангарами, соединенными железнодорожными путями. Пейзаж весьма напоминал футуристический – в стиле «Кин-дза-дза!». На дне котлована копошилось несколько солдат с лопатами. Ещё несколько солдат, из интеллигенции, загорало на бетонных плитах. «Эх, бля, бабу бы, ба, бля...». «Я бы, нах, счас хоть Монтсерат Кабалье в зад...». «А я б Мирей Матье в рот...».

Под импровизированным навесом дремлющий сержант Аскеров слушал десятый подвиг Джамиля (Геракла) в демо-версии младшего сержанта Макаркина. Вся эта мутотень с заданиями Джамиля и гнусностями благоверного пророка Мусы ему порядком надоела. «Слушай, Друг». «Да, Друг, я слушаю». Макаркин насторожился. «Я скажу тебе правду, Друг. Никому не говори, иначе меня убьют. Но перед этим я вырву тебе позвоночник». «Что ты, Друг! Никому, даже если меня будут п... здить». «Даже если Хлопчий будет п... здить?» «А что, он будет?» «Вряд ли. Скорее, его, суку, будут. Но он всё равно ни хрена не знает... Знаешь, Друг, я ведь не простой араб. Я араб из Бомбея. Моё настоящее имя – Лаки Аскар». «Лаки?» «Ну – Лаки – счастливчик. Бахтиёр по нашему». «Феликс по латыни». «Феликс? Феликс Аскеров. Красиво». Под этим именем его скоро и узнали девушки из общежития строительного треста. Бахтиёр продолжал: «Там я начал сниматься в кино, но враги убили моего двоюродного брата, и мне пришлось бежать в Ташкент. Скоро дембель, и мне нужно поступать в ташкентский институт кино. Или бомбейский – я еще не решил. Мне нужно готовиться, репетировать. Ты мне поможешь, Друг?». «Что за вопрос, Друг, конечно помогу. Но чем?». «Мы будем вместе снимать кино». Разумеется, снимать кино. Вчерашние Брюс Ли в привокзальном видеосалоне вкупе с узбекфильмовским старым чайханщиком в солдатском клубе явно добились последние сомнения Бахтиёра в собственном творческом гении. То, что кинопостановка как сугубо духовный и самоценный процесс может не требовать никакого технического обеспечения, сомнения тоже не вызывало. Китайские гении каллиграфии рисовали на морском песке, их шедевры смывала ближайшая волна, но современникам хватало и этих мизерных свидетельств гениальности.

Итак, не откладывая дело в долгий ящик, Друзья взялись за работу. Сначала – «кастинг», амплуа распределились раз и навсегда: Бахтиёр Аскеров – главный герой, брат-близнец и отец (дед) главного героя, все разлученные; Сергей Макаркин – лучший друг главного героя (умирает в первых эпизодах, его смерть дает главному герою повод для мести), комический герой (умирает в середине фильма, тут уже месть героя становится беспощадной – «кровь за кровь, месть без закона»), герой-злодей (умирает в финале, торжество благородной мести). В массовке – личный состав 9 мотострелковой роты, солдаты первого года службы. Первый сценарий занял больше всего времени. Действие фильма происходит в колониальной Индии, во время восстания сипаев. Главный герой Радж – вождь восставших, полковник английской армии Джонс – главный злодей, Доктор Браун – лучший друг Раджа, санитар Сингх – комический герой, а также слон Джамбо – рядовые Линьков, Латипов и Мухаметдинов, верный пес Фриски – умеет приносить пистолет и патроны – рядовой Питеров. Шотландские стрелки, восставшие сипаи, пенджабские крестьяне, кони, козы, овцы, дикие звери. Место действия – английский форт (строящийся ангар) в горах Пенджаба (котлован). Освещение – естественное, камера с солнечной стороны. Много крупных планов лица Раджи, общие планы сражений. В связи с нехваткой массовки десять человек сняты с аврального рытья канализационной траншеи; несколько косматых низкорослых стройбатовцев-уйгуров рекрутированы прямо со штукатурных работ в сипайскую кавалерию. «Свет! Камера! Мотор! Хлопушка!».

Радж на слоне атакует обоз англичан. Англичане ранят слона, слон падает на Раджа. Радж ранен. Подползает Доктор Браун, вытирает пот со лба Раджа, массирует отдавленную ногу. Друзья заверяют друг друга в вечной дружбе. Подлый выстрел из кустов. Доктор вскрикивает, закидывая руки: «Ах, блядь! Это смертельная рана. Я знаю это, я -доктор, врач». Радж хму-

рится: «Так стреляет полковник Джонс, он, пидор, подлец». Друзья еще раз клянутся в вечной дружбе, доктор Браун умирает. Радж хватает саблю (обломок арматуры) и бросается на полковника, как раз выползающего из кустов. Соперники фехтуют. Радж легко одолевает полковника, но тот, воспользовавшись сомнениями Раджа: отрубить голову или просто проткнуть грудь, кидает ему в лицо проползавшую мимо кобру (метровый кусок шланга) и убегает, смешно подпрыгивая.

Радж на слоне и в сопровождении верных сипайских кавалеристов, санитар Сингха и весёлого пса Фриски готовит засаду на колонну англичан, нестройной колонной марширующих по горам в направлении форта. Внезапно на склоне пенджабской горы появляется прораб УНР Синельников: «Хули вы тут, обормоты, делаете? Я вам ко сколько сказал закончить траншею? Цех же затопляет, уроды! А вы, чурки волосатые, што, уже все обштукатурили?». Радж махнул саблей: «Нас предали! Мы окружены! Мы прорвемся! Вперед, суки!». Восставшие робко двинулись на прораба. Прораб выронил изо рта папиросу: «Вы чо, о... уели? Али обкурились?». Аскеров слез со слона, дав сигнал, что съемка продолжается, и подошёл к прорабу: «Вы кто?». «Я? Прораб Синельников! А ты кто?». «Ты мне не тыкай. Я старшина роты Аскеров. Это моя рота. Мы занимаемся боевой подготовкой. Мы мотострелки, а не стройбат ёб... ный. Нам положено. Во сколько нужно закончить траншею?». «Через час трубы класть приедут». «Через сорок минут будет готово. Всё? Ещё вопросы есть?». «Хорошо, но смотри у меня, старшина...». «Сам у себя смотри».

Радж снова взобрался на боевого, вновь собравшегося из кусков слона и сообщил восставшим: «Это был наш человек. Лесник. Он сообщил, что нас хотели предать. А теперь вперед, мои лысые воины!». Восставшие с криками устремились на было присевших на привал шотландских стрелков. Через пять минут всё было кончено. Ещё две минуты добивали раненых. Ещё через три минуты, позволивших доснять общий план в стиле «Апофеоза войны», убитые ожили, отряхнулись, весело построились вместе с победителями, и, возглавляемые возникшим из ниоткуда сержантом Асламовым, рысью умчались копать траншею. Сипайские лошадки молча побрели куда-то по железнодорожным путям. В котловане остались Аскеров с Макаркиным.

«Кто же нас предал?» – Радж пристально поглядел на санитар Сингха. Санитар Сингх прикинул, что слон и собака отпадают сразу. «Может, твой потерянный брат? Говорят, он воюет на стороне англичан». «Брат не может предать брата. Он работает у англичан на нас. Он велел передать мне, что предатель – медработник. Доктор Браун умер, мир праху его. Остаться ты». «Не может быть, Радж. Я много раз спасал тебе жизнь». «Может. Ты, сука, делал это специально. А теперь пусть рассудит нас Суд Аллаха!». Обрезок арматуры, описав за долю секунды метровую дугу, сделал соскок на курносом носу Сингха. «Нет, Радж! Вот моя шея! Убей меня, если не веришь! Я не могу биться с другом!». «О-о! О-о! Что мне делать, боги? Кому верить – другу или брату?». Ситуация явно становилась тупиковой. Радж обхватил голову руками, отошёл, отвернулся и вдруг, резко обернувшись, крикнул: «Пу!». Сингх вздрогнул. «Падай, чучело. Это снова стрелял полковник Джонс, п... дорас выжил в молотилове». Сингх, раскинув руки, упал. «Медленно катись на дно, камера сейчас наезжает». Сингх, легко оттолкнувшись ногой послушно скатился на дно. Радж ударил себя в грудь, грудь отозвалась глухим звоном: «Боги! За что? За что? Сначала я потерял семью, потом невесту, лучшего друга, и вот – последнего друга... О-о! У-у! Полковник Джонс, защищайся, п... дорас!».

Итак, кульминация фильма – финальная драка героя и главного злодея. Тщательно разработана диспозиция и хореография брутального действия. Злодей должен почти победить, но в решающий момент, «как будто из последних сил», герой применит свой тайный прием, и злыдень наткнется на свой же клинок. Возникла проблема со злодейским клинком, так как предыдущий – древко сломанной швабры – был погублен арматурной саблей героя. Десяtimi-

нутные поиски дали результат – был найден обрезок железного уголка приблизительно искомой длины. «Готов, Друг?». «Ну, вроде того. Друг».

Арматура с размаху ударилась об уголок. Брызнули искры. Глаза Раджа недобро загорелись. Третий выпад Раджа был уже вполне серьезным, игры как будто кончились. Перед Макаркиным стояла тройная проблема: уцелеть самому; не повредить «страшного»; поддержать темп действия в течение приблизительно согласованного времени (практически же: пока партнер не выдохнется). Старый опыт фехтования в ДЮСШ не годился ни к черту – тут психология ложилась на драматургию. Приходилось много двигаться и очень часто стучать по арматуре Бахтиёра, чтоб у того складывалось впечатление «яростного поединка». Наконец сигнал завершения: «Выбивай у меня шпагу!». Макаркин, сделав медленный выпад из первой позиции, картинно по спирали закрутил свое орудие, захватывая в оборот инструмент Раджа. Арматура отлетела в угол. Радж подставил грудь: «Убей меня, подонок, если хватит смелости!». Полковник Джонс: «Всех твоих друзей я убил в спину – только так я люблю убивать. Повернись, Радж!». Радж разворачивается и внезапно падает на спину, закидывая ногу футбольным ударом назад через голову, как бы выбивая саблю Полковника. Джонс быстро вставляет свою саблю под мышку и падает замертво. Радж бьет себя в грудь с криком «Пенджаб свободен!».

«Снято! Все свободны, всем спасибо».

Кинематографическая лихорадка захватила страшного сержанта целиком. В день снимались один-два фильма. Менялись места действия – от Мексики до Гонконга, набор героев, но финальная драка всегда оставалась ключевым, кульминационным моментом всех фильмов. Самое неприятное для Макаркина заключалось в том, что чётко проявилась тенденция к частой смене орудий единоборства. Когда бились картонными ящиками, то это выглядело забавно, и фильм мог даже называться комедией. Когда в руки были взяты лопаты – это стало по меньшей мере не смешно, особенно когда диким рубящим ударом шериф Джонсон (Б. Аскеров) отрубил носок сапога ковбоя Билли (С. Макаркин). Билли едва успел поджать коготки и поблагодарить Бога, что дал ему сапоги на размер больше. В киноленте из жизни триад Гонконга решено было биться на ломах. Тревожное предчувствие овладело Макаркиным. Финальная битва гонконгских добра и зла состоялась в маленьком недостроенном здании железнодорожного пакгауза. Соперники обменялись парой ударов, что позволило навскидку оценить тактико-технические характеристики железных орудий. Тревожное предчувствие вылилось в отчаяние. Пауза между ударами затянулась. Честный полицейский Ли (Б. Аскеров) раздувал ноздри, глаза его затуманились. Дело принимало совсем хреновый оборот. Макаркин возопил «Банзай!», и, разбежавшись мимо честного полицейского, запустил лом в свежевystроенную и отштукатуренную стену. Лом, пробив стену, застрял в ней. Стена пошла трещинами и рухнула. Открывшаяся перспектива обрывалась складской стеной, под которой какал волосатый уйгур. Какал, и не мог остановиться.

«Ну, вот и славненько, старшина. Правильно, что ломать начали. Один хрен хреново сложили. Даже на редкость хреново. Крен десять сэмэ – охренеть» – в пакгауз вошёл бодренький прораб Синельников.

В то время, когда рота живо обсуждала в котловане последний съемочный день, в казарме, в расположении роты, появился рядовой Марат Сигнатулин, переведенный из роты хозобеспечения Сызранского вертолётного училища в стройбатствующую 9-ую мотострелковую роту. Марат страдал редкой формой клаустрофобии – не мог долго находиться в замкнутом коллективе. По этой причине весьма регулярно «бегал» домой, благо дом находился сравнительно недалеко – в Казани. Оттуда его так же регулярно аккуратно забирали обратно в часть, так как его вояжи не превышали двух суток. Тем не менее боевой дух подразделения портился. Поэтому лётные отцы-командиры решили сплавить бойца в подвернувшееся мотострелковое подразделение и на удивление быстро обеспечили такой перевод через командование округом. «А мне на х...й такой подарок не нужен. Как говорят французы», – резюмировал

перевод командир роты Хлопчий. Старший лейтенант Хлопчий давно уже должен был стать капитаном, за его широкой спиной были 8 лет службы, 3 года в Афганистане. Его представляли уже несколько раз, но каждый раз за неделю или даже несколько дней до долгожданного присвоения в его роте случалось ЧП. Солдаты или стрелялись, или вешались, или сбегали в бескрайнюю тоцкую степь к казахам-кочевникам.

Вернувшись в расположение, воины ислама – бойцы сызранской котлованной трудармии могли решить, что увидели Ангела Советской Армии, снизошедшего с небесных высот на циклёванный пол казармы. Марат Сигнатулин мог украшать обложку журнала неофициальной солдатской моды, если бы такой издавался. Некоторые бойцы, открыли рты, не поверив, что такое вопиющее воплощение их самых тайных мечтаний могло существовать в реальности. Итак, перед ними стояли юфтевые сапоги со сточенным «ковбойским» каблуком, голенища которых мягко ниспадали гармошкой; их горловины, обделанные толстым матерчатым ремнем, плотно обнимали штанины, такие узкие, что проступал рельеф мышц худых и кривых ног. Китель, напротив, напоминал толстовку, если бы не голубые погоны-эполеты, отделанные золотым кантом. Белый подворотничок шириной с ладонь и толщиной с сантиметр на тот же сантиметр возвышался над воротником. На такой шедевр должно было уйти не меньше полпростыни. Широкий и толстый рыжий кожаный ремень подпоясывал живот почти по самому нижнему краю кителя, лихо загнута буквой «С» пряжка со сшлифованной практически под нуль звездой болталась ниже пупа. Венчала всё Шапка. Это был абсолют тогдашней солдатской моды: сравнительно небольшая (на размер меньше головы Сигнатулина), высокая (сшита из двух обычных ушанок, поставленных одна на другую) и кубообразная, с идеально прямыми ребрами. Последнее достигалось натиранием её поверхности ваксой (что в итоге давало также изумительный серо-сизый колер) с последующим натягиванием на три тома Полного Собрания Сочинений и тщательным проглаживанием ребер утюгом. Потом Сигнатулин не раз утверждал, что из-за её высоты иногда в метель или дождь даже офицеры принимали его за полковника и первыми отдавали честь. Шапка покоилась почти на затылке – в соответствии с образом «дембель-пох...ист» (альтернативное ношение – напозающее на брови – было признаком «злого дембеля»). До реального дембеля рядовому Сигнатулину оставался год с большим гаком.

Вышедший из канцелярии роты страшный лейтенант Хлопчий присвистнул: «Ох... еть! Дембель в мае прое... али, дембель будет в декабре? Марш в канцелярию, декабрист-бля-кавалергард!» Предвидя дальнейшее развитие событий, страшный сержант Аскеров снял с Сигнатулина его Шапку и водрузил на его лысый череп ушанку пробежавшего мимо рядового Мухаметдинова: «Целее будет». Через четыре месяца в этой Шапке Бахтиёр Аскеров уехал к себе домой в кишлак Комсомольский Советабадского р-на Ферганской области.

Через 20 минут после запуска Сигнатулина в ротную канцелярию оттуда вышло «чудовище вида ужасного». Чудовище шаркало ногами, обутыми в порыжевевшую кирзу 45-го размера. Длинные обрывки ниток топорщились лампасами из боковых швов брюк. Мешковатый китель был туго, под подмышками подпоясан потрескавшимся ремнем из кожаменителя. Пряжка была прежней, но уже совсем плоская, и явно расплюснутая о лоб бойца, о чем свидетельствовала пылающая на его лбу звезда с серпом и молотом. С плеч свисали пришитые на один стежок красные погоны с гордыми буквами СА. Полупростынный подворотничок был отодран с мясом, вместо него вокруг шеи был обмотан тоненький и узенький «уставной» подворотничок. Лицо чудовища выражало полное понимание того, куда он попал.

Судьба капитанских погон Хлопчего, уже заготовленных им к майским праздникам, в который раз, была решена. Через неделю, утром 24 апреля рядового Сигнатулина не было на построении. В отличие от сибаритствующих летных офицеров старший лейтенант Хлопчий не стал втихую посылать гонца в Казань, к родителям бегуна, а, напротив, в соответствии с Уставом немедленно сообщил в дивизию и гарнизон, а весь личный состав роты отправил на прочёсывание Сызрани в поисках утраченного бойца. Макаркин с Питеровым были посланы

на весь день как патруль на железнодорожный вокзал. На исходе второго часа скамеечного бездействия на перроне к Макаркину обратилась старушка с просьбой дотащить чемоданы. Младший сержант с энтузиазмом помог бабушке. Сердобольная старушка, тихо поблагодарив, сунула в потную ладонь солдата рубль. Отказываться солдатик никакого смысла не видел. Спрос родил активное предложение. Сызрань была достаточно крупной станцией с интенсивным пассажиропотоком, а Макаркин с Питеровым были такими ласковыми и лопухими, что давать им меньше рубля ни у кого рука не поднималась. Еще через час два бойца позвонили в роту, сообщив, что «одна бабка сказала, что видела какого-то солдата, вроде татарина, в районе железнодорожного депо», и поэтому на обед и ужин они не придут – будут тщательно прочёсывать район депо. В роту они пришли к вечерней поверке, сытно поев в привокзальном кафе, и чувствуя себя миллионерами с десяткой в кармане. Надо признать, больше никогда ни до, не после Макаркин не чувствовал себя таким богатым, как в этот вечер.

Войдя в расположение роты, привычно отдав честь дневальному, двое предпринимателей в погонах застыли как вкопанные. В полумраке казармы, в нескольких метрах правее дневального на ажурной решетчатой перегородке Ленинской комнаты белело распятие. Нет, не скульптурное изображение распятого Иисуса Назорея Царя Иудейского, а реальный человек в синих трусах. Голова его покорно свисала, распростёртые руки в плечах и запястьях были прикручены брючными ремнями к деревянной перегородке. Ноги, так же прихваченные к ней ремнями в двух местах, не касались пола. Рядовой Сигнатулин (а это был он) как бы парил над казармой. История христианства сделала крутой вираж: в 1-ом веке римские воины распяли обрезанного еврея, советские воины в 20-м распяли обрезанного татарина. «Дай пить» – требовательно попросил «бог живой». Дневальный с готовностью поднес к его губам заготовленную алюминиевую кружку со сладким чаем. Попив чаю без удовольствия, распятый снова опрокинул голову и, похоже, заснул.

Старший лейтенант Хлопчий не получил капитана, но, в отличие от предыдущих своих «пролётов» со званием, внешне особенно не расстроился, из-за того, вероятно, что мог в живую и достаточно долго (почти 3 дня) наблюдать показательную экзекуцию виновного в таком развороте. Среднеазиатские военнослужащие стройбата, заглядывавшие на вечерний огонёк к своим мотострелковым землякам и очень слабо знакомые даже с основными положениями Устава, поначалу терялись, заходя в расположение мотопехоты, так как не знали, что требуется делать сначала: перекреститься на эмблему христианства или отдать честь дневальному. Сам Сигнатулин, как казалось, достаточно спокойно переносил «тяготы и лишения» распятия. Похоже, он даже предпочитал такое свое положение ударному труду на стройках пятилетки или напряженной боевой учебе. Кормили его с ложечки, поили по первому требованию. Из медчасти принесли утку. В отношении «большой нужды» страшный лейтенант Хлопчий заявил, что «бог терпел, и лётчикам-залётчикам велел. Причём прямо и непосредственно».

Рядовой Марат Сигнатулин был пойман в депо Сызрань Товарная посланным на укрепление патруля Макаркин-Питеров замполитом Мамедовым в момент неудачного запрыгивания в порожний товарняк, шедший на север.

В последствии Марат Сигнатулин стал хорошим гранатомётчиком, на полковых учениях получил благодарность командования и даже подумывал поступать в училище прапорщиков.

* * *

Нет, Абдель не хотел сниматься в кино, он хотел жениться. Но перед женитьбой он хотел бы приобрести хоть какой сексуальный опыт. Впрочем, это направление молодёжной арабской мысли Макаркина совсем не интересовало, и он покинул стадион «Канада», вернувшись к рутинной инспекции и контролю состояния теннисных полей, ответственности за которые, увы, с него никто не снимал. Как он объяснил Йоси, Абдель вполне мог один справиться с деструктивными работами, давая хоть какой-то выход своей замурованной сексуальной энергии.

Вечером приехал «каблан» Пинхас с деньгами за первый месяц работы. При пересчёте выяснилось, что Пинхас, во-первых, обсчитывает Сергея на 500 шекелей – «ЭТО СТРАХОВКА, СТРАХОВКА, ДОРОГОЙ!», и, во-вторых, отказывается оплачивать проезд, несмотря на ранее данное обещание. Взвесив «за» и «против», Макаркин отказался продолжать трудовую деятельность в условиях столь вопиющего обмана, пожертвовав, хоть и через силу, три трудодня нового месяца на развитие израильского тенниса. Возле каждой клумбы, каждой скамейки, каждого фонтана Теннисного Центра были таблички с именами жертвователей, не говоря про специальные мраморные стены с сотнями медных табличек спонсоров. Имени Сергея Макаркина, увы, не появится там никогда.

Тем не менее, первые полгода в Израиле принесли Макаркину некоторые материальные и нематериальные дивиденды:

А) навыки в разговорном иврите

Б) счёт в израильском банке + кредитная карточка

В) первый круг знакомств, ограничивающийся, в основном, продавцами и завсегдатаями «русских» продовольственных и книжных магазинов.

Совокупность вышеназванных приобретений позволила Сергею купить в рассрочку подержанный компьютер и выйти во Всемирную Паутину. На дворе стоял 1999 год, угар интернетного бума и биржевой лихорадки хай-тека. В Израиле количество компаний-«старт-апов» в сфере «высоких компьютерных технологий» приближалось к численности работающего населения и совсем немного отставало от валового количества подобных в Северной Америке. Два израильтянина могли, затянувшись кальяном, придумать «улётную коммерческую идею», за три месяца освоить С++ и (или) Джаву, купить четыре компьютера, пригласить программиста «с опытом», найти страждущего заработать хоть на чём-то «компьютерном» инвестора, с шумом выйти на биржу и в конце концов «с потрохами» за несколько миллионов «зелёных» продаться другому, более крупному «старт-апу» со смежной «улётной коммерческой идеей», организованному на полгода раньше пятью другими парнями и тремя инвесторами. Деньги делали деньги, и пеннистая волна бума затронула и Макаркина. К сожалению, более созерцательный, нежели логический склад ума не позволил ему в полной мере освоить даже «С++ за 21 день», хотя о Джаве и о HTML у него сложилось более-менее цельное впечатление. Но в той сфере деятельности, которая поначалу привлекла его в Интернете, необходимости в написании кодов не было.

Интернетные аукционы позволяли вполне дешево покупать вполне приличные вещи, в первую очередь те же компьютеры. Пребывание в Израиле, наличие «Визы» и возможность почти круглосуточно находиться в Интернете, с одной стороны, и некосвенное знание привычек и обычаев российского бизнеса с другой давали Макаркину некоторый шанс. Он коротко сошёлся с несколькими московскими магазинами компьютерной и оргтехники. Старательно выслеживая на аукционах eBay и Yanoo! дешёвые ноутбуки он оплачивал их по «Визе» или аукционными бонами, получал экспресс-почтой ЭМС в Израиле, наскоро, нарастамаживая, проверял и через ту же ЭМС или Ди-Эйч-Эл пачкой отправлял в Россию. Москвичи оплачивали по факту банковским переводом. Иногда его «кидали» американцы, иногда москвичи, но порядка тысячи полновесных американских долларов регулярно ежемесячно оседало «сухим остатком» на его счету. Сравнительно небольшая сумма «прихода», неизраильское гражданство и, как хотелось верить Макаркину, благорасположение к нему симпатичной банковской служащей («его банкирши») Айелет Алони позволяло обходиться без подоходного налога, НДС и прочей мутотени.

С американскими парнями наладилась и неделовая переписка. Заокеанские знакомые спешили поделиться своим специфическим юмором, хотя в деловых ситуациях, непомеченных табличкой «здесь идет шутка», юмор не понимали. Юджин из Филадельфии попросил Макаркина подписать «агентский договор/ соглашение о неразглашении». Сергей, конечно, согла-

сился, но спросил, раз он частник, удовлетворит ли фирму Юджина такая формулировка, как просто Сергей Макаркин, эсквайр. Не без удивления он прочел в пришедшем по почте оригинале титулы сторон: «с одной стороны – Юджин Гросс, директор компании „Энигма Компьютерс Лимитед“, Филадельфия, Пенсильвания, США, с другой стороны – Сергей Макаркин, эсквайр, Израиль».

Тем не менее, некоторые американские хохмы – в первую очередь «корпоративные хайку» – он по тому или иному подходящему «деловому» поводу переводил и пересылал в Москву, а иногда и сочинял сам, стараясь по мере слабых сил уложиться в положенный размер из 17-и слогов. Сформировалась небольшая коллекция.

ЖИВАЯ КОЛЛЕКЦИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ХАЙКУ

Сергея МАКАРКИНА (перед прочтением расслабиться)

След зайца волчий
Пересек. Скажи мне:
сроки – не главное.

Тихо обрели
Скользящим графиком
Доходность менеджмента.

Часы рассержены;
они винят меня
В растрате времени.

Лунный свет. Бледен,
Чистый лист ждет забытую
цель доклада.

О, дух аврала!
Это только оправданье
Не спать всю ночь.

Паук над экраном
Чертит карту своей
Ниши на рынке.

Гриб пророс сквозь камень.
Он знает искусство
переговоров.

Послушай, как поют
цифры! Сквозь леса слов
Мелькает правда.

В беседке мой шеф
постигает свою же
теорию рынка.

Поздняя осень.
В одиночестве мысль:
«Где он меня кидает?»

Увы, в руке моей,
Слабея неприметно,
Погас мобильник.

Грустишь, глядя на ФуТСИ!*

А знаешь, сколько детей

Голодают?

* ФуТСИ – FTSE (биржевой индекс)

Клиент таращит

глаза. Такие, как в лавке

таксидермиста.

Колючки на пути

В Эдо – десять тысяч

Мелких менеджеров.

Часовые пояса!

Звоню Востоку на западе,

в завтра

.

Снег сошёл; течёт сок

в древах. Разве могут

не принять мой план?

Чу! Я слышу «бип»!

Где-то новорожденный

Факс зовёт к себе.

Звучат фанфары:

Император запускает

Новый продукт.

Лишь крыса на складе

знает где что. Не так ль и

секьюрити?

Одна пчела в саду.

Мне ведом источник

Зарплат в её улье.

Два глаза в траве:

Не бойся – низкая

подозрительность.

Ромашки в поле

Вежливо кивают.

Хороню свой отчёт.

Ладанки аромат.

Скрытая прелесть

В подержанной «Хонде»

.

Уволили Микки.

Печалются души

Любителей кофе.

(с) Уильям Уорринер, Эддисон Уесли

(с) Сергей Макаркин, Басё, Бусон

В паузах между аукционными «бидами» и хайкутворчеством Макаркин скрашивал свое унылое существование глупой болтовней в «Аське» с девчонками по всему свету. В конце концов установились прочные «романтические» отношения со студенткой Мики из Гуанчжоу, Китай (по утрам) и колумбийкой Йолимой (Йоли) – вечерами. По косвенным признакам Сергей мог заключить, что Йоли вполне могла быть дочкой наркобарона, так как жила с семьей на фазенде в глубине сельвы, где, тем не менее, был «быстрый интернет». Ещё она писала диплом по биологии и собиралась приехать в Израиль. К сожалению, начавшаяся в 2000 году интифада спугнула девушку и она уехала на ферму аквариумных рыбок на затерянном острове в Атлантическом океане возле Никарагуа, где быстро вышла замуж. Собственно, вскоре и реальных девушек «из плоти и крови» Макаркин стал добывать из Сети. С израильтянками отношения не складывались из-за наличия языкового и этно-социо-культурного барьеров, с «русскоязычными репатриантками» – тоже, по причине радикально различных целей взаимоотношений. Макаркину хотелось простоты и открытости.

Этим критериям, казалось, вполне отвечала система, принятая в израильской сфере «развлечений для взрослых». Позвонив по номеру мобильного телефона, указанному в одной из бесплатных рекламных газет в разделе «дискретный досуг», звонивший получал ряд шестизначных чисел. Эти числа имели двойное значение: во-первых, набрав эти числа в качестве адреса в Сети (www.123456.com), клиент выходил на страницы с альбомами «откровенных» фотографий нескольких девушек; во-вторых, позвонив по соответствующему мобильному телефону (055—123456), можно было вызвать «полюбившуюся» девушку на дом. Единоразов воспользовавшись подобной услугой, Макаркин решил, что теперь знает об израильской проституции всё (возможно, благодаря исключительной болтливости молдаванки Гали) и эта сфера человеческой самоделательности стала ему малоинтересной. Гораздо забавней показалось Сергею творческое сочетание его некоторых художественных навыков, известного понимания анатомии человеческого тела и прикладных «рисовальных» программ Фотошоп и КорелДро. Благодаря названному сочетанию стало возможной абсолютно естественная замена на надлежащие анатомические подробности любых признаков текстиля, покрывающих на электронном изображении «места бикини» наиболее известных «всемирных» красавиц, от Клаудии Шиффер и Анжелины Джоли до Оксаны Федоровой, свято стерегущих визуальную неприступность своих наиболее привлекательных мест. Достаточно простой джавовский апплет позволял указанием мыши «раздевать» королей красоты, что для непосвященных казалось чудом. Впрочем, долгое время это оставалось глупой и бессмысленной забавой для Макаркина и пары-тройки его сетевых знакомых, даже когда он разместил своих разоблаченных красавиц в глухом и Богом забытом уголке Сети (<http://www.favorbeauties.narod.ru>).

Однажды Сергей забрёл на компьютерную выставку в Тель-Авиве, что-то вроде «Изра-тек-99». Выставка проходила в только что отстроенном великолепном люксовом отеле «Давид Интерконтиненталь». Целью Сергея были какие-нибудь новые «халявные» программы (тестируемые образцы). Компакт-диск с одной широко рекламируемой защитной программой, тщательно охранявшейся на выставке от попыток копирования и «вскрытия», он просто взял из запечатанного бумажной печатью дисководом. «Ставьте шлагбаум или толкового майора» – подытожил Сергей торжество прямого доступа над электронной защитой. По этому поводу он взял в баре бутылочку «Лёф Трипл».

«КАК ДЕЛА? ЗАНИМАЕШЬСЯ КОМПЬЮТЕРАМИ? ЕСТЬ ЧТО ИНТЕРЕСНОГО?» – к Макаркину подсел полненький подвижный израильтянин.

«Вот, сделай лицо попроще, и люди к тебе потянутся. Тут же» – подумал Сергей. Но изобразил политкорректную доброжелательность: «ОТЛИЧНО. ТАК, НЕМНОГО. ЕСТЬ ТУТ КОЕ-ЧТО ПОСМОТРЕТЬ, ПОТРОГАТЬ».

«МЕНЯ ЗОВУТ ЙОСИ».

«СЕРГЕЙ. Я НА ИВРИТЕ НЕ ОЧЕНЬ. МОЖНО ГОВОРИТЬ ПО-АНГИЙСКИ?».

«Конечно. Я смотрю, есть ли что нового, интересного. Куда можно вложиться»

«А что, свободные деньги есть?»

«Есть немного. А у тебя есть что предложить, можешь показать?»

«О, нет. Пока нет»

«Ну а всё-таки? Расскажи, мне очень интересно»

«О, нет. Извини, не могу»

«Хорошо. Ты сам откуда?»

«Из России»

«О, русские евреи – отличные программисты. Местные, конечно, лучшие, но русские тоже неплохо. Они вторые после наших»

«Может быть»

«Ну, смотри, если есть что предложить – а я по глазам вижу, что есть – свяжись со мной, обсудим. Вот моя визитка – Йоси Би Дубновски, Рамат-Авив Гимел»

«Я от руки напишу. Визитки кончились. Серж М Каркин. Я в Герцлии-Питуах»

«Отлично. Обязательно свяжемся. Пока»

«Пока».

Несколько дней Макаркин мучительно думал. Может, рискнуть – «раскрутить» Йоси Би Дубновского? Но, как говорится, «по любому» в конце придется «опрокидывать». В конце концов нездоровая алчность перевесила здоровую осторожность и моральные сомнения. «Ничего навязывать не буду. Просто покажу. Отказываться буду до последнего. Если это его остановит – хорошо. Если больше раззадорит – еще лучше. В конце концов, ничего не теряю. Вроде. Немного хапну – и нах Хаузе».

Идея была проста – продать компьютерную «творческую программу перверсии женского „пляжного“ изображения в полностью обнаженное», сыграв на чужой алчности, до предела разогретой бушующим «интернет-бумом» и несомненной сексуальной озабоченности израильского мужчинки Йоси Би Ди.

Где-то через две недели Сергей позвонил Йоси. Осведомившись, как дела и всё прочее, он сказал, что ему нужна помощь, дело весьма конфиденциальное, и он хотел бы с ним встретиться «где-нибудь в приличном месте». Йоси предложил «Аркафе» в Герцлии-Питуах. Сергей хорошо знал это кафе. Оно пользовалось бешеной популярностью, по вечерам туда стояли очереди, хотя по соседству находились десятки аналогичных полупустующих заведений. Основу меню составляли сэндвичи.

«У меня есть маленькая проблема, – после приветствий сразу перешёл к делу Сергей. – Я не так давно в Израиле, занимаюсь ты уже видел чем. Работаю в основном с Америкой и Россией. Накопился ряд документов, в которых мне без адвоката трудно разобраться. С местными „русскими“ адвокатами я работать не хочу. Во-первых, болтливы. Во-вторых, ничего в этих делах не понимают, но за всё берутся. Не знаешь ли какого-нибудь толкового адвоката по коммерческому праву?»

«Конечно, знаю. Могу хоть сейчас позвонить, договориться».

«Будь любезен».

«А у тебя самого так дела? Чем в основном занимаешься?»

«Ну, некоторые программы русифицирую. В основном обработки и передачи изображений. Фрагменты факсовых программ, больше под ЮНИКС. Вот тут недавно для души напи-

сал код. Хочу местным порносайтам предложить. Может достраивать изображения любой фрагмент тела. Ну, например, скрытый повязкой или тенью».

«Или трусиками?»

«Или трусиками. А как у тебя дела на финансовом фронте?»

«Замечательно. Дисконтные операции, доверительные фонды – всё бежит вперед и вверх. Всё замечательно».

Разговаривая, Йоси не сводил глаз с соблазнительных посетительниц кафе и даже иногда причмокивал. Чокнувшись минеральной водой, новые знакомые расстались, довольные друг другом. Сергей вышел, а Йоси пересел к чернокудрым красавицам за соседним столиком.

Сергей в тот же день связался с Давидом Кляйнером, рекомендованным Йоси адвокатом, и они договорились о встрече на послезавтра. Макаркин тщательно подготовился к визиту: отобрал несколько оригиналов своих агентских договоров, несколько других переделал – убрал из них выгодные для себя условия и, напротив, добавил дискриминирующие себя, родного. Увеличив на порядок фигурирующие в договорах суммы, заново отпечатал их как предварительные неподписанные копии. Кроме того, купил подходящие костюм и ботинки. Встреча прошла успешно: Давид сравнительно быстро нашёл ущемляющие Сергея оговорки, предложил обязательно сделать другие необходимые дополнения. Попив кофе, стороны декларировали необходимость дальнейшего сотрудничества. Давид получил заслуженный гонорар в сто пятьдесят долларов. Макаркин не без основания рассчитывал, что его вопиющая деловая наивность на фоне реально работающего «крупного компьютерного бизнеса» не останутся для Йоси неизвестными. Через пару дней он позвонил Йоси, поблагодарил его за хорошего адвоката и пригласил в знак признательности в ресторан. Йоси к слову спросил, как продвигаются дела с *«той самой развлекательной программой с девочками*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.